

С. Крейвен

В ПЛЕНУ УРОДЛИВОЙ ТИШИНЫ

*страх - единственное, что
меня не предавало...*

18+

С. Крейвен

В плену уродливой тишины

<https://litres.ru/74693714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Райли — начинающая актриса, бегущая от призраков прошлого, что не дают и подобия покоя. Она мечтает достичь большего, и вот, наконец, ей подворачивается такая возможность: ее вдруг приглашают на прослушивание. Она и ее двое друзей отправляются в Калифорнию, но вот беда — их машина глохнет на пустынной дороге и больше не заводится. На их счастье, к ним на помощь приходит Дин — местный житель Карсон-Сити в ковбойской шляпе. Он просит их подождать до завтра, а наутро машина будет на ходу. Они соглашаются. Но вот на что?..

Содержание

ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	53
ГЛАВА 5	64
ГЛАВА 6	81
ГЛАВА 7	98
ГЛАВА 8	115
ГЛАВА 9	133
ГЛАВА 10	145
Конец ознакомительного фрагмента.	148

С. Крейвен

В плену уродливой тишины

ГЛАВА 1

Дождь только начинался, когда наша машина вдруг заглохла посреди пустынной проселочной дороги — где-то между двумя штатами. Первые капли лениво расплзались по лобовому стеклу, а в душном салоне пахло летней пылью.

Потом мотор просто перестал работать. Без кашля, без каких-либо рывков, будто в детской игрушке села батарейка.

Мы с друзьями держали путь в Калифорнию на прослушивание, которое должно было решить все. Роль, на которую я молилась последние полгода. Роль, способная изменить мою жизнь, получи я ее.

Пару недель назад я получила приглашение.

Картина о кораблекрушении: двое из немногих выживших влюбляются друг в друга после катастрофы. Слишком уж похоже на «Титаник», если быть честной, но мне было плевать на сравнения. Формальности, вторичность — все это не имело значения. Самое важное, что этот проект имел огромный бюджет, его режиссировали талантливые люди и платили за сутки съемок очень хорошие деньги.

За плечами у меня — пара рекламных роликов, несколько безликих эпизодов в сериале про домработницу, что лишилась покровительства богатенького муженька, и теперь вы-

нужденную пахать не разгибая спины. Вот и все на этом. Работы хватало ровно на то, чтобы не околеть с голоду и платить за крошечную квартиру с видом на парковку, где я пряталась от призраков прошлого последние несколько месяцев.

— И ты отдал за это восемьдесят штук? — я откинулась на кожаный подголовник и устало выдохнула, стирая с верхней губы бисеринки пота.

Когда первые капли дождя упали на лицо — холодные, редкие, — мы поспешно подняли крышу кабриолета, новенького «Мерседеса», подаренного Феликсу на день рождения родителями, которые души не чаяли в своем сыночке.

Феликс сидел за рулем, сосредоточенно глядя на приборную панель, будто силой мысли мог вернуть машине жизнь. Мы познакомились год назад на прослушивании в Солт-Лейк-Сити. Никто из нас не получил желаемого, нам даже не перезвонили. Зато мы обменялись номерами, и со временем поняли, что нас объединяет нечто большее, чем провал: всепоглощающее чувство, что мы достойны большего.

— Я думал, что нужно залить бензин! — вскипел Феликс, ударяя бледными ладонями по рулю — и резкий гудок разнесся по округе. За что Магдалена — девушка Феликса и моя подруга — стукнула его кулаком по плечу, одарив щедрой порцией ругательств.

Когда крыша надо мной наконец плотно захлопнулась, я услышала нарастающий шум дождя — он барабанил по дороге и по машине, словно кто-то стучит подушечками паль-

цев. По радио передавали о каком-то убийстве, случившемся сегодня, но сигнал быстро пропал, и в приемнике противно захрипело. Удалось разобрать лишь одно, и то с горем пополам: жертва подверглась сексуальному насилию.

— Нам нужно быть в Лос-Анджелесе через два дня, и желательно поскорее, — подала голос подруга после затяжного молчания и закатила глаза. — Нам еще мотель искать.

— Успеем, — буркнул Феликс.

И вдруг слух выловил из темноты звук: едва различимый гул. Низкий, глухой. Он доносился откуда-то издалека, растворяясь в шуме дождя, но с каждой секундой становился все отчетливее.

Я обернулась.

Вспыхнули фары, покачивающиеся из стороны в сторону — машину дергало на рытвинах. Желтый свет расплзся по мокрому асфальту, разбиваясь на осколки отражений. Рокот двигателя все нарастал — медленно и уверенно, как звук прибоя.

Мы все оживились.

Феликс опустил стекло, высунул руку и начал махать — быстро и отчаянно, будто боялся, что водитель передумает останавливаться.

Через минуту перед нами, съехав на гравийную обочину и хрустнув камнями под колесами, остановился голубой, выдавший виды пикап. В кузове лежали балки, стянутые толстой бечевкой.

Феликс выскочил из машины, и одновременно с ним распахнулась дверь пикапа. Сначала показалась нога в ковбойском сапоге, а потом на мокрую землю прыгнул высокий мужчина лет тридцати пяти на вид. В поношенных джинсах, черно-синей рубашке в клетку и коричневой ковбойской шляпе.

Он не спешил. Захлопнул дверь и зашагал к нам.

— Здравствуйте... — робко произнес Феликс и стал поспешно объяснять ситуацию, в которую мы попали, тоном провинившегося ребенка, которому скоро попадет.

Дождь разбушевался, отчего слышать то, о чем они говорили на улице, стало почти невозможно.

Угрюмый незнакомец покивал, чуть сбитый с толку быстрой речью Феликса, и что-то сказал — его губы зашевелились. Затем поднял голову, поправил шляпу, и моему взору открылось его бородатое лицо с волевым подбородком. Его взгляд заскользил по лобовому стеклу, пока не уперся прямо в меня.

Я затаила дыхание. В груди все сжалось, как перед прыжком в холодную воду.

Мужчина не спускал с меня глаз, слушая при этом вполуха Феликса, который держал над головой журнал мод «Вог», принадлежавший Маг — так мы коротко звали Магдалену, — защищаясь от дождя. Из-за недостатка уличного света я плохо видела лицо мужчины, но смогла рассмотреть его глаза: в них было что-то холодное, и от этого мне стало не по

себе.

Я опустила окно, чтобы было лучше слышно, о чем они там беседуют, когда те подошли поближе.

— Вы, вижу, не один. — Голос мужчины можно было сравнить с первым раскатом грома: такой низкий, волнуемый и где-то даже приятный. — Кто с вами? Ваши друзья? — Кажется, так он спросил.

Феликс щурился от капель дождя, а вот незнакомцу было все равно на бушующий ливень: вода стекала с полей его шляпы, обшарпанных по краям. Рубашка быстро промокла насквозь, как и полиэстеровый жилет с множеством карманов, надетый поверх нее.

— Да, все верно, — тараторил Феликс. — Мы втроем. Едем в Калифорнию, но вдруг заглохли тут! Я не знаю, в чем проблема. Машина вроде как новая. Можете помочь, пожалуйста?

Незнакомец посмотрел на Феликса, как на потерянного щенка. Описание, в общем-то, отлично ему подходило: вечно приподнятые у основания брови и большие карие глаза, заглянув в которые, сразу смягчаешься.

Мужчина сдвинул его с пути и направился к нам.

Я напряглась.

Крупные ладони опустились на стекло со стороны водителя, и мужчина пригнулся, чтобы взглянуть на сидящих внутри пассажиров — на нас. И тогда я уже точно могла сказать, какого именно цвета его глаза — зеленые. Цвета луга перед

сумерками в середине августа — именно так я бы описала их.

В салоне машины запахло пивом, древесиной и сладким пралине, когда он заговорил:

— Здравствуйте, меня зовут Дин, — он перевел взгляд с меня на Маг и обратно. — Тут отеля не найти, скажу я вам. А искать другой без машины — не ваш вариант. Поэтому я предлагаю вам вот что: вы пока можете переночевать у меня. Если не против, конечно, — он махнул рукой в сторону дороги. — Живу здесь, недалеко. А завтра или даже сегодня ночью я посмотрю, что с вашей машинкой. И утром сможете уехать.

Я смотрела на него, внимая каждому его слову, и вдруг растерялась. Меня пленил довольно глубокий, но старый шрам, тянущийся от левой щеки до подбородка, пересекая красивую улыбку.

Когда я не ответила, за меня это сделала подруга:

— Да, нам подходит, — быстро дала согласие Магдалена, взирая с явной симпатией на мужчину.

Он кивнул, довольный итогом разговора, и выпрямился. Руки остались на стекле. Пальцы были сухими и грубыми, хоть и намокли под дождем. Мне подумалось, он много работает руками. Под правым рукавом рубашки, на запястье, я заметила тату: стрела с перышком и ловец снов.

— Подходит? — воскликнула я, когда мужчина оказался вне пределов слышимости. — А вдруг он маньяк какой-то.

Что тогда? Зачем ты вот так сразу согласилась?

— Ой, да перестань ты. Никакой он не маньяк!

— А ты что, знаешь?

— Нет. Но у нас нет другого выхода, — сказала равнодушно она, вытирая руки влажной салфеткой. — Поэтому мы рискнем. Не бойся. Вероятность, что нас убьет маньяк, ниже, чем шанс сдохнуть в аварии по дороге в Лос-Анджелес. К тому же, ты слышала — нет в этой глуши никаких отелей. Этот симпатяга отремонтирует нашу машину, и мы сразу свалим. Ты знаешь не хуже меня, что нам нельзя опоздать на прослушивание. Там серьезные люди. Один промах — и тебя отметут, как чертову пыль со ступенек!

Она хлопнула жвачкой и замолчала. И этих слов мне сполна хватило, чтобы заставить меня пойти на попятную.

Ладно, подумала я, несколько часов можно выкроить. Все лучше, чем торчать до утра среди кукурузных полей, да еще и почти в полной темноте.

— Возражений нет? — громко спросил мужчина Феликса, уходя в сторону своей машины. Начал прибираться в салоне, освобождая место для нас.

— Возражений? — Феликс ничего не понимал, и тогда мужчина пересказал план дальнейших действий и ему тоже.

— Да! — поспешно выпалил он, откидывая со лба кудрявую челку. — Да, конечно, нас устраивает! Только что мне делать с машиной? Оставить ее тут, что ли?

Его глазки нервно забегали по новенькой машине яр-

ко-синего цвета.

— Придется. Я позвоню кое-кому, и ее привезут к моему дому на прицепе. Вам не о чем беспокоиться, поверьте.

У Феликса не было выбора, и вскоре мы все вместе пересели в старый пикап, теснясь с нашим спасителем, пахнущий мылом, сухим табаком и отдаленно потом.

Я уселась со стороны окна, а Феликс бок о бок с водителем. Я не собиралась жаться к незнакомому мужчине всю дорогу. А вот Маг была другого мнения: всю дорогу щебетала мне о том, какой красавчик этот ковбой, какие у него широкие мускулистые плечи и сексуальная мордашка. Она сказала, что не прочь даже посмотреть, что еще у него большое и мощное, помимо телосложения.

— Да ты только посмотри, посмотри! — неугомонно щебетала мне на ухо она, наваливаясь на меня каждый раз, когда мы наезжали на большой камень или оказывались на неровной, извилистой дороге.

Я закатила глаза и толкнула ее плечом.

Когда наши влажные плечи мерзко соприкоснулись, мы обе поморщились, одаривая друг друга брезгливыми улыбочками. Мы с ней хорошо ладили, не считая того, что характеры у нас были максимально непохожи: она яркая и шумная, которая за словом в карман не полезет, я же — сдержаннее и всегда старалась избегать конфликтов. Этому меня научил мой любимый папочка.

Ублюдок...

Пока мы ехали, на фоне тихо играла песня The Everly Brothers — «All I Have To Do Is Dream». Маг лазила в телефоне, а я смотрела в окно — на проносящиеся мимо кукурузные поля, где, казалось, вот-вот пробежит Джиперс Криперс, и на редкие автомобили, застывшие в полной темноте. Их фары горели, как глаза чудовищ.

Прижимаясь к стеклу, я чувствовала кожей холод, хотя на дворе был жаркий июнь. После дождя стало заметно прохладнее. Зря мы не прихватили с собой пару теплых вещичек из машины. Взяли только зарядки от телефона, папки с репликами, которые всю дорогу репетировали, и контейнер с сэндвичами — на всякий случай? Можно подумать, голодный век настал!

— Где вы, сказали, живете? — спросил Феликс, который до этого рассказывал мужчине о том, что нас троих пригласили на прослушивание в Лос-Анджелес и мы держим путь туда. И главное — не остановился: разболтал незнакомцу даже точное место, где будут проходить съемки фильма.

Мужчина лишь изредка кивал и барабанил пальцами по рулю. В остальном — молчал. На лице не мелькало ни единой эмоции. Смотрел прямо перед собой и хмурил брови, когда позади возникали автомобили, пытаясь перегнать нас.

— В Карсон-Сити, — сказал мужчина, закрыл окно со своей стороны — и в салоне воцарилась тишина, не считая песни, которой теперь можно было насладиться по полной. — Скоро приедем.

Мы ехали по меньшей мере минут двадцать, и я уснула. Так незаметно, словно кто-то провел в салон шланг с усыпляющим газом. Видимо, дождь и усталость от долгого пути сделали свое дело. Сквозь дремоту я слышала, как песня сменилась на веселую кантри-песенку с губной гармошкой. Маг над чем-то посмеялась, Феликс назвал имя своей любимой кошки, а потом я услышала низкий голос мужчины, от которого мурашки невольно ползли там, где не положено.

Мотор заглох, тряска прекратилась и все дурные мысли выскользнули из сознания.

Мы приехали в пункт назначения

ГЛАВА 2

Я стряхнула с себя остатки сна, выпрямилась, размяла затекшую спину и открыла пассажирскую дверь. Под кроссовками громко хрустнула щебенка. Передо мной раскинулся дом — большой, но простенький на вид, выстроенный из красного кирпича с графитовой черепицей. Длинный деревянный забор, потемневший от дождя, обрамлял почти всю территорию.

Дождь почти прекратился, но если верить прогнозу погоды — ночью снова пойдет.

Феликс вылез последним, небрежно заправляя рубашку в дорогие штаны.

Мы направились к дому. У подножия лестницы стояли глиняные орлы с острым, недобрим взглядом и расправленными, вздернутыми к небу крыльями.

Мужчина по имени Дин шел впереди нас. У дальней двери — вероятно, кладовая или сарай — я заметила собачью будку. Из нее торчала толстая цепь, а когда мы подошли ближе, изнутри раздался грозный рык.

Хозяин вставил в замок ключ, почти вплотную прижавшись к двери, будто не хотел, чтобы кто-то видел, как он это делает. Через мгновение замок щелкнул — и дверь открылась с тягучим скрипом. В лицо сразу ударил яркий свет, за-

ставляющий поморщиться.

Мне показалось немного странным, что свет в прихожей горел, хотя хозяин какое-то время отсутствовал.

Мужчина снял с себя мокрую шляпу и повесил на оленьи рога, приколотенные к стене, когда мы вошли внутрь. Случили они, видимо, ключницей или вешалкой: на рогах висели еще две шляпы и огромная связка ключей — штук двадцать, не меньше.

В доме пахло чем-то жареным. Картошка? Бекон? Запах был неярким, больше похожим на шлейф после того, как кто-то похозяйничал на кухне накануне.

— Обувь можете не снимать, я все равно собирался завтра помыть полы, — сказал он, стягивая с себя рубашку и оголяя руки: из рукава черной футболки тянулись колючие ветви терновника — вплоть до самой кисти. Татуировка было не новая, явно били много лет назад: краска побледневшая, тату от времени уже успело чуть поплыть. Между шипами я так же разглядела старые шрамы — как белые черви.

Вытирая мокрое лицо платочком, хозяин дома заметил, что я рассматриваю его бицепсы, но ничего не сказал.

— Проходите туда, — он указал рукой вперед. Судя по всему, там находилась гостиная. — Погрейтесь пока. А я быстро схожу переодеться. И для вас принесу чего-нибудь.

— Спасибо, — я сжала в руках довольно толстую папку со сценарием внутри, что захватила с собой.

Шатен кивнул и наконец полноценно взглянул на меня.

Всего второй раз с тех пор, как мог лицезреть меня в машине, в полутьме, под проливным дождем. И на этот раз в глазах читалось нечто странное: он будто был чем-то удивлен или узнал а моем лице кого-то. А возможно, мне просто показалось.

Снова...

У меня диагностированы несколько расстройств психики. И сразу — нет, я не безумна. Просто мое настроение и ментальное состояние — оставляют желать лучшего. Я крепко сижу на нейролептиках, убеждая себя, что этого достаточно, хотя с недавних пор поняла: это не так. Благодаря им я держусь на плаву, но ровно до тех пор, пока я не остаюсь одна.

До сильнодействующих антидепрессантов я так и не добралась. Я вот самая главная причина: я страшилась той безграничной пустоты, что неминуемо обнажится, когда я перестану их принимать. Поэтому, я отложила это дело на неизвестный срок, сказав себе: «Сейчас не время. Сделаем это позже. Впереди экран, тяжелая работа и чужие ожидания».

Прохаживаясь на задворках сознания, я даже не заметила, как исчез мужчина, только что стоявший возле меня.

Мы двинулись в гостиную. Над арочным проемом колыбалась деревянная занавеска — бусины мягко постукивали друг о друга, стоило лишь сквозь них пройти. В гостиной было одновременно уютно и странно. Здесь ценили не роскошь, а характер. Над камином висел череп буйвола с пустыми глазницами, украшенный ленточками и перьями.

Мне думалось, он живет здесь один: я не заприметила ни одной вещи, за которой угадывалась бы женская рука. Но тут же одернула себя — с каким пор я так стереотипно мыслю? Девушка могла купить что угодно, верно? К примеру, те мрачные огромные часы, висящие над пустым камином, или номерной знак штата Техас, вмонтированный в одну из дверей на втором этаже.

Мне нравились вещицы с прошлым. Те, что помнят больше, чем положено. Незримые свидетели чужих жизней.

— Здесь немного жутковато, согласны? — пробормотал Феликс, обводя взглядом комнату и потирая плечи, к которым прилипла белоснежная рубашка. Голос его прозвучал слишком громко в этой давящей тишине.

Маг подошла к камину из белого камня и стала присматриваться к рамкам, в которых обычно ожидаешь увидеть счастливую семью или что-то подобное. Но на фотографиях были запечатлены только кукурузные поля, красивые закаты и животные: птицы, коровы, лошади, даже куры. Но один снимок все же выделялся: он в обнимку с черным малышом ротвейлера — пасть открыта, розовый язык свисает вбок. Похоже, это тот самый пес, что сейчас спит в будке при входе, только за это время он уже здорово вымахал, если судить по его грозному лаю.

— Ну, как вы? Согрелись, ребята?

По затылку до самых пят прокатилась волна мурашек, когда я услышала неожиданно возникший голос за спиной. От

этого низкого баритона, разорвавшего тишину, я вздрогнула всем телом.

Обернулась.

Передо мной стоял Дин. Наш спаситель.

Сухой. В чистой белой футболке без принта и джинсах. Волосы чуть влажные. Рубашку он решил не надевать. А зря: теперь пялиться на его шикарное, крепко сложенное тело.

Я не слышала, как он подошел.

— Да, мы почти согрелись, спасибо, — мои слова звучали немного скомкано.

Я вежливо улыбнулась ему. Он ответил тем же и перевел взгляд на Феликса. Было в этом мужчине что-то особенное, самобытное — но вот что именно, я не могла облечь в слова.

Дыхание неожиданно сперло, когда в памяти созрели образы призраков прошлого, от которых я уже который год скрывалась где только можно.

Мысли снова бежали быстрее меня. Страдаю этим расстройством уже три года. Оно начало подавать симптомы сразу после колледжа, который я так и не окончила. И до сих пор сопровождало меня, как верный пес.

— Хотите чаю? Или чего-то поесть? — Дин упер руки в бока и улыбнулся. Он так много улыбался. У него была на удивление милая улыбка, никак не вязавшаяся с его грубым, чопорным внешним видом.

— Там, на кухне, есть жаркое по-деревенски и яичные конвертики с сыром и мясом, — он почесал лоб, затем снова

вернул руку на талию. — Вы ведь такое едите, да? — уголок его рассеченных шрамом губ едва заметно дернулся, словно он хотел улыбнуться, но в последний момент передумал.

Когда он говорил, а не молчал, Дин был довольно приятным молодым человеком. В нем было что-то обманчиво спокойное.

— Яичные конвертики? — переспросила высоким тоном Магдалена, и я безмолвно взмолилась, чтобы она не ляпнула чего обидного. — Вы что, шутите? Я весь день мечтала именно о них! — она вся просияла, сложив руки в молитвенном жесте. — И вот тебе вдруг, ни с того, ни с сего, предлагает их незнакомец, которого ты встретила ну вот совсем недавно! Видите? Вселенная работает. Она слышит нас! — эти слова уже были сказаны для наших с Феликсом ушей.

Маг обожала эзотерику. И изучала все, связанное с этим. Ее запястья стягивали ни меньше двадцати разномастных браслетов и фенечек, как она утверждала, с магическими камнями.

— А я не отказался бы от жаркого, — хмыкнул Феликс, потирая друг о друга руки, как муха лапки.

Дин кивнул, несколько расслабившись, и жестом указал в сторону кухни. Там было темно. Что понятно — мы ведь только вошли в дом, а кроме Дина тут никто не жил.

Он дождался, пока мы двинемся, и повел нас за собой, как экскурсовод.

Честно говоря, я бы тоже не отказалась от... да от чего

удобно — я не ела с самого утра. Успела только в машине выпить отвратительный холодный капучино в жестяной банке.

Дин щелкнул выключателем, и кухня вспыхнула бело-желтым светом. Здесь было куда поярче, чем в гостиной. Раковина пустовала и блестела от чистоты. Вся посуда была аккуратно — возможно, слишком — разложена на плюшевом кухонном полотенце и сохла.

А он хозяйственный, подумала я. Люблю таких мужчин.

У окна расположился овальный стол, а в центре — небольшая барная стойка, что тоже вполне себе могла сойти за место для трапезы.

Мы уселись за нее, и я бросила папку со сценарием на стол.

Мне хотелось почувствовать себя где-то в придорожном баре. Фантазировала, что сейчас наш спаситель нальет мне не кофе или чай, а стакан чего покрепче. Я разом осушу его, а потом Дин подсядет ко мне поближе и заверит, что больше никто никогда не сделает мне больно. Что он ангел, а не человек, который наконец-то отозвался на мои молитвы и отведет меня туда, где всегда хорошо.

Я отряхнула себя, возвращаясь в реальность.

Иногда я спасалась алкоголем. Плохая привычка, от которой я так и не избавилась.

Дин подошел к плите и стал разогревать на сковороде жаркое, регулируя газ под ней. Осторожно засунул в микроволновку тарелку с мясными конвертиками — как будто боялся,

что она может взорваться. Все его движения были сдержанными. Лишены какой-либо резкости, судорожности. Бывают мужчины взбалмошные, колкие на слова, инфантильные. Дин был полной противоположностью всего перечисленного.

Слева от кухонного окна висели какие-то сухие травы, перевязанные красной нитью. Рядом с ними — ржавая подкова и тоненький ловец снов. Казалось, он потомок индейцев, ведьм или просто человек с очень интересным внутренним миром. Этот Дин все больше и больше импонировал мне.

Он подал нам по кружке — все разной высоты и формы, ни одной одинаковой. Поставил их перед нами с легкой улыбкой.

— Значит, вы — актеры? — спросил он. — Правда актеры? Настоящие? Снимаетесь в фильмах?

— Правда актеры, — самодовольно подтвердил Феликс, сложив пальцы замком и кивнув пару раз. — Правда пока еще не снялись в действительно стоящих картинах. Мы на пути к этому. В прямом смысле и переносном.

Дин бросил в чашки по бумажному пакетику, извиняясь, что не предложил ничего другого. Сказал, что сегодня как раз закончился кофе. Как заварной, так и растворимый. И еще не успел купить. Белый чайник с рисунком черных гвоздик тем временем нагревался на печи под языками пламени.

— Да, когда доберемся до Калифорнии, нас обязательно возьмут. Так нам сказали. Мы хорошо выступили в театре в

прошлом месяце, и нас там заметил один режиссер. Он ознакомил нас со сценарием и позвал на прослушивание. Представляете? — глянула на меня. — Всех троих.

Пока она говорила, вечно трогала пальцами подбородок и не спускала с Дина пристального, хищного взгляда.

Дин кивал и вежливо улыбался ей, но затем его взгляд скользнул по мне — почти незаметно — и вновь вернулся к лицу Магдалены. При прямом свете его глаза казались еще светлее, а ресницы были такие длинные и густые, будто накрашены тушью.

Я пригладила подол белого платья, что надела в дорогу. Чувствовала ладонью, что оно влажное. Одежда ужасно медленно сохла, а ведь кое-кто обещал принести нам другую, чтобы мы могли переодеться. Напоминать об этом ему я не стала.

— И машина, значит, вам все испортила, да? — Дин односторонне ухмыльнулся, упираясь одной рукой о стойку, а вторую кладя на шею, разминая мышцы.

Я смотрела на подругу, но чувствовала его взгляд, даже не глядя на него. Когда повернула голову — наши взгляды встретились.

Внутри, между легкими, что-то задвигалось. Нет, не бабочки. Скорее пчелы. Рой злых, рвущихся наружу пчел. Пока зрительный контакт не прервался — они все бушевали.

— Ага. А стоила машинка моя немало, между прочим! — жаловался Феликс, размешивая ложкой чай, задевая стенки

кружки. — Черт бы ее побрал.

Когда Магдалена возобновила прежнюю тему: про фильмы, карьеру, будущее, я взглянула на свои руки: ногти отросли, и мой черный маникюр выглядел ужасно. На указательном пальце все еще красовалось кольцо отца — его подарок мне на двадцатилетие. Мне хотелось выбросить его еще вчера после нашей ругани. Мы плохо ладили, но я знала, что он любил меня. Где-то в глубине души. В перерывах между побоями и желчными словами о том, что я бесстыдница и распутная девка, раз собираюсь и дальше сниматься в кино.

«Ты хоть понимаешь, кем станешь?!» — гневался отец, когда я высказала ему свое стремление стать профессиональной актрисой. Он попытался замахнуться на меня, как делал часто в детстве, но понял, что терпеть я больше не стану. Как терпела всю жизнь моя мать. До самой ее смерти. До ее самостоятельного ухода из жизни... В тот день, четыре дня назад, я впервые толкнула его.

— О чем думаешь, Райли? — слышался низкий голос Дина.

Я поморгала, возвращаясь на кухню и выплывая из вязких воспоминаний моего загубленного детства. Передо мной — красивое лицо с односторонней улыбкой.

Лицо Дина.

Я дернула головой назад, когда чья-то рука пролетела перед моим носом.

— Земля вызывает Райли! Ау!

Маг и Феликс покосились на меня, качая головой, фыркая и поедая свои блюда, уже стоящие перед ними. Еда на тарелках шипела, как потухший костер — такое горячее было то, что им предстояло съесть.

— Ты чего зависла? Рубильник перегорел? — подкалывала Магдалена, вонзая вилку в слоеный омлет с мясной начинкой внутри.

— Витает в облаках, — добавил Феликс, аппетитно жуя, — как обычно.

Его волосы почти высохли. Одна сторона кудрявых каштановых волос заправлена за ухо с серьгой — черная бусинка.

Я опустила глаза. Передо мной стояла тарелка с жарким. Запах был таким, что у меня свело в скулах. Желудок вымаливал дать ему хотя бы немного еды.

— Приятного аппетита, — доброжелательно сказал Дин, упираясь локтями в стойку прямо передо мной.

Когда я нахмурилась, он выпрямился и отошел. Видимо, подумал, что нарушает мое личное пространство. Но меня беспокоило не это, а кое-что другое: мое имя.

Он его назвал.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Я не помнила, чтобы называла ему его.

Феликс и Маг вдруг перестали жевать. Глядели недоуменно на меня, потом на Дина, который в свою очередь терялся во множестве взглядов, пытаясь понять, что он не так сказал

или сделал.

И вдруг Феликс прыснул со смеху. Маг захохотала вслед, запрокинув голову к потолку. Закрыла тыльной стороной ладони рот, чтобы не выронить еду.

— Господь. Ты что, пересмотрела детективов? — проглотив, спросила она.

Они стали передразнивать меня, копировать сказанные мной слова и по новой гогоча.

— Мы только что позвали тебя по имени. И много раз до этого, — друзья синхронно закатили глаза, — когда ты зависла как старый монитор. Кстати! — Маг вдруг что-то вспомнила и указала вилкой на Дина. — Хотите прикол? Когда вы предложили свою помощь, она, — указала теперь на меня, — хотела отказаться от помощи, считая, что вы можете оказаться маньяком. Всех нас тут замочите, а потом наши кишки развесите по деревьям, как новогоднюю гирлянду!

Дин скромно улыбнулся.

— Вот как, — он в усмешке поджал губы. Без сомнений, считал меня параноиком, паникером и трусихой. — Жутко, но отнюдь не глупо. Меры предосторожности никогда не мешают, верно?

Дин поддержал меня. Единственный в этой кухне. И я была благодарна ему за это.

Феликс поливал картошку и мясо кетчупом. Такой ярко-красный цвет, словно акриловая краска.

— Или ты так зависаешь, потому что втюрилась в мисте-

ра... — начал было Феликс, желая пошутить о том, что я влюбилась, но для этого ему сначала нужно было узнать фамилию нашего спасителя. — Не подскажите?

Дин робко улыбнулся и почесал затылок.

— Мистер Хардинг, — пояснил он на выдохе. — Но не стоит этих всех официальностей. Достаточно просто Дин.

Позже я узнала: он был старше нас на двенадцать лет. Так я и подумала с самого начала — ему явно было больше тридцати. И он был очень хорош собой, чего уж скрывать. И даже если бы я влюбилась в него, это было бы совсем не странно.

Но это было не так.

— Я ни в кого не... — не договорив, я опустила голову и раздраженно покачала головой. Мои щеки сразу потеплели.

Поковырялась вилкой в тарелке и отодвинула ее в сторону. Съела всего половину. Есть перехотелось.

Кружка с горячим чаем приятно обжигала ладони. Сделав глоток, я принялась и почувствовала запах... роз. Вот правда, словно настоящие красные розы замочили в кипятке.

— Не выпьешь с нами? — спросила я, ставя чашку на стол с глухим стуком.

Посмотрела вниз и с удивлением осознала, что сидела на бочке. Как на корабле у пиратов. Из-за вязаной подушки, закрывающей верхнюю ее часть, я сначала подумала, что это просто высокий, странной формы стул.

— Нет, нет, — вежливо отказался Дин. Он еще ни разу не

присел, озабоченный вниманием к гостям. — Пока не хочу.

Он поставил перед нами тарелку со сладостями, постукивая пальцами с идеально стриженными ногтями по толстой деревянной стойке.

— Тебе не помешало бы согреться, ты ведь тоже попал под дождь. Причем больше нашего, — я отпила чаю, и вдруг сильно захотелось курить. Мне не терпелось выйти на веранду и достать сигарету. Благо, я захватила их с собой. Курение было моей вредной привычкой, от которой у меня никак не вышло избавиться. Я пробовала. Дважды.

Дин попытался снова отказаться.

— Давай же, не будь кидалой! — изрекла Маг, по-лисьи улыбаясь и склонив голову набок.

— Ладно, ладно. Хорошо, — он сдался и взял еще одну кружку. Налил в нее кипяток, бросил туда чайный пакетик и добавил сахара. Три ложки. — Кто-то хочет молоко? — спросил он, когда достал из холодильника коробку молока с синей этикеткой.

— Чай с молоком? Да ты извращенец. — Скорчила рожицу Маг, наблюдая, как льется в дымящуюся кружку белая жидкость. — Как это можно пить вообще? Это что-то японское, или что?

Дин хмыкнул, расплываясь в улыбке. В уголках глаз собрались мелкие морщинки. Потом посмотрел на меня — внимательно, в прищуре, словно хотел что-то получше рассмотреть во мне.

Я покачала головой, как бы говоря ему: «Да, мои друзья те еще олухи», и тогда он поставил молоко на место.

Бросила взгляд на тарелку Феликса: он все умял подчистую. Тарелка блестела от чистоты. И теперь, довольный,пил чай, закусывая карамельной конфетой. Вспомнилось, как говорила моя тетя Кларисс, когда кто-то вытирал хлебом уже пустую тарелку: *«Ты смотри, даже и мыть не придется!»*

Через несколько минут я уже стояла на веранде, вглядываясь во тьму. Шел дождь, падая плотной стеной прямо перед моим носом. По правую мою руку стояли железная лейка и глиняный горшок со свежими цветами.

Я выпустила дым и стряхнула пепел в странную пепельницу — белую, лакированную, похожую на искусственную кость, стоявшую на обветшалых перилах.

Дин, значит, курит?

Я заправила локон уже почти сухих волос за ухо и обратила внимание на серо-коричневый амбар неподалеку, увязший в ветвях огромного дерева. Перед ним стоял покосившийся ржавый трактор, давно не на ходу. Желтая краска облупилась, одно колесо отсутствовало.

— Приятно покурить в такую погоду, да?

Я напряглась, но смогла спокойно обернуться.

И снова он напугал меня.

Дин встал рядом со мной, но не слишком близко. Отмахнулся от мошек, круживших вокруг его головы, и сунул большие пальцы в петли джинсов, смотря перед собой. Нос его

был с небольшой горбинкой, которую можно было не заметить, если не присмотреться хорошенько.

Я поймала себя на том, что разглядываю его слишком внимательно.

— Да, это так, — я снова стряхнула пепел в пепельницу. Взгляд Дина медленно упал на мою руку. Но спешно отвернулся, когда сигарета вновь коснулась моих губ.

Я сделала что-то не так? Этой пепельницей строго нельзя было пользоваться?

— Я что... — указала на лакированную белую пепельницу, чуть растерявшись. Мой голос звучал отдаленно виновато.

— О, нет, нет! — Дин расцепил руки, до этого сложенные на груди, и тут же отмахнулся от моих слов, почесав двухдневную щетину. — Просто задумался. В этой пепельнице ничего такого нет. Это не какая-то семейная реликвия или что-то такое!

Он рассмеялся, потом потянулся к моей пачке сигарет, лежавшей рядом с лейкой.

— Можно?

— Конечно, — я подтолкнула к нему пачку. — Бери.

Он достал одну, чиркнул спичкой о бок коробка и закурил, с удовольствием выпуская густой дым в прохладный летний воздух. Запахло порохом, как всегда пахнет накануне Рождества.

Он ощерился, когда сделал очередную затяжку, оголяя

идеально ровные зубы. Расправил плечи, покачиваясь на пятках.

Над головой, за серо-голубыми облаками, раздался раскат грома. Звук был похож на отломившуюся ветку дерева, что скоро с грандиозным грохотом рухнет на землю.

— Знаешь, не обижайся, но... — после минутного молчания заговорил Дин. Стукнул сигарету о пепельницу, и серый пепел посыпался мягкой крошкой на дно. — Твои друзья тебя недооценивают. Они кажутся друг с другом такими любезными, а когда дело доходит до тебя, — он не смотрел на меня, — ты просто становишься третьим колесом на детском велосипеде. Я лично так совсем не считаю, но...

Мне не понравилось, куда зашел разговор. В первую очередь потому, что я сама так считала: они знали друг друга почти всю жизнь, дружили, а после — начали встречаться. Я же являлась просто «примкнувшей» к ним, просто компаньоном по делам. Я давно это осознала. Мы неплохо общались, но «неплохо» — не значит «хорошо».

— Они вообще-то классные ребята. С ними весело, — я затанулась. Последняя затяжка перед тем, как начнет гореть фильтр, и на язык ляжет мерзкий вкус.

— Да. Они и вправду довольно хорошие ребята, не спорю. Вполне себе веселые и так далее, но я хочу лишь сказать, что...

Из глубины дома слышались споры и охи. Магдалена о чем-то громко спорила с Феликсом.

— Ладно, хватит, — оборвала я его, о чем ничуть не пожалела. Затушила сигарету о пепельницу, с усердием придавив ее. — Не стоит мне объяснять ничего из этого, хорошо? Мне с ними кров не делить. Они просто мои хорошие приятели, вот и все.

Я перекинула черные длинные волосы через плечо и отошла. Уходя в дом, я хорошо запомнила выражение лица Дина: ничуть не смущенное, даже довольное. Будто добивался от меня этой реакции. В какую игру играл этот провинциальный холостяк? Хотел меня поссорить с друзьями? Зачем? Или он просто не мог держать язык за своими красивыми зубами?

— О Господи, слушайте, слушайте! — громко выпалила Магдалена внутри дома.

Я застыла в метре от двери, как если бы меня окатили сотней килограммов цемента. Ноги парализовало. Заболел живот от страха, а в голове уже прокручивались самые ужасные картинки, чего же Маг так могла испугаться.

Дин мягко отодвинул меня в сторону и вошел в дом. Когда он оказался внутри, мне стало спокойнее, и я решила последовать за ним, передвигая с трудом ноги.

— Что? Что случилось? — голос Дина звучал настороженно.

Маг подняла пульт, направила его на телевизор и сделала звук погромче. Огромный плазменный телевизор — единственное современное в этом доме, что я пока что заметила,

— начал вещать.

На экране диктор в сером пиджаке. В руках у нее микрофон, позади — черно-фиолетовое марево и какое-то мельтешение.

На лицах Феликса и Маг застыла такая неподдельная тревога, что по спине побежали мурашки.

— Что-то произошло? — снова спросил Дин.

Он посмотрел на Феликса, но тот ничего не ответил и пялился в экран. Там показывали новости, канал CBS. Девушка сказала что-то про полицейских и поджог. Внизу бежала синяя строка: **«В Карсон-Сити снова произошло убийство. Уже четвертое за полгода. Убийцу так и не смогли задержать, но его почерк теперь изменился: он оставил тело жертвы на месте убийства, облил кетосином и поджег. Следов насилия установить не удалось. Подробности все еще уточняются...»**

Я уставилась на Дина, он — на меня.

— Убийство? — повторила я вслух.

Ответа не последовало.

Дин о чем-то задумался, глубоко увязнув в мыслях. Феликс и Маг все еще были заморожены картинкой на экране и даже не моргали. Словно загипнотизированные, читали все, что появлялось на экране.

«Карсон-Сити... Четвертое убийство... Поджог тела»

Слова зазвенели в голове, как колокол. Мне стало трудно дышать. Но я усилием воли проглотила тревогу, вцепившись

в одну мысль, как в спасательный круг: прямо сейчас все хорошо. Прямо сейчас я в безопасности, в доме, повторяла я, как мантру. Пока мне ничто не угрожало. «Решать проблемы нужно было по мере их поступления» — вспомнила я слова психолога.

Но мне срочно нужны были мои таблетки. А они были в машине, которую чертовски долго тащили сюда.

— Когда это произошло? — спросила я робко, устремляя свой взор то на хозяина дома, то на друзей.

Сглотнула, чтобы хоть немного смочить пересохшее горло.

— Пару часов назад, — сказал Феликс, сцепив пальцы на затылке в замок. — Тело нашли недавно. Пока проверяют его, чтобы установить точное время. Но, кажется, эксперты сказали, что убили эту девушку явно не больше двух дней назад.

В телевизоре снова назвали место убийства, и я встрепенулась. В животе завязался тугой узел, сжимая все органы.

— Это же почти там, где у нас заглохла машина! — вырвалось у меня. — Разве нет?

Маг и Феликс поменялись в лице, глядя друг на друга.

— Да, — произнес Дин спокойно. — Это там.

Он выглядел несколько озадаченным. Смотрел под ноги. Его губы едва заметно двигались, словно он считал что-то в уме, как перед ходом в шахматной партии.

— Слушай, можно как-то побыстрее пригнать сюда мою

тачку, мистер? — обратился к Дину Феликс, подходя к нему ближе. Рядом с Дином он выглядел как смазливый подросток. Феликс всегда хотел выглядеть моложе своего возраста, хотя ему еще не стукнуло и двадцать три.

— Я уже позвонил, кому надо. Об этом можете не беспокоиться, — отрезал Дин и потер локоть, выбираясь из паутины мыслей. — Вашу машину уже везут сюда. Вот-вот прибудет.

— Правда? — нервно переспросил Феликс.

Дин кивнул.

Маг, не дожидаясь продолжения новостей, плюхнулась на подлокотник обшарпанного дивана и переключила на другой канал. Теперь на экране телевизора резвились и пели полуголые девицы. Гостиная наполнилась поп-музыкой девяностых.

«Кто-то танцует и поет, а кто-то в этот же момент истекает кровью», — подумала я.

— Да, завтра починю машину. Как и обещал. И, возможно, к вечеру вы уже сможете поехать в Калифорнию.

Он взглянул на меня — с досадой, внимательно осматривая. Словно видел меня насквозь: знал, как мне было страшно, хотя я, как могла, не подавала виду.

Колени стали неприятно зудеть изнутри, когда я представила мертвое тело в нескольких минутах езды от того места, где мы недавно заглохли.

Мы могли быть следующими...

Я и так боялась ехать в Калифорнию, ведь никогда в жизни не выбиралась дальше Колорадо — штата, где жила. А тут еще и убийство прямо под боком. В душе снова стало очень беспокойно, мозг работал сверхурочно. Мне срочно требовались мои таблетки. Но хренову машину еще не привезли. Сердце гулко забилося ниже живота, уходя все ниже.

ГЛАВА 3

— Боже, ну наконец-то, — Феликс сбежал по деревянным ступенькам к своей машине, которую несколько минут назад привезли на прицепе. Он сразу же принялся осматривать ее на наличие повреждений, светя фонариком на телефоне. К счастью, все оказалось цело.

Дин всучил мужчине с рыжими усами несколько купюр. Тот поправил синюю спецовку на лямках и сел в машину, по-доброму хлопнув Дина по плечу. Белый, местами ржавый «Хаммер» тронулся с места, поднимая пыль и позвякивая крюком.

Ночью стало очень тихо. Слышны были только пение цикад и драка собак вдалеке. Здесь дома стояли не так близко друг к другу, как в городе — между ними лежало пространство, непривычное и пустое.

В нескольких минутах езды отсюда находилась ферма. Если приглядеться, ее можно было увидеть и отсюда: издали — коричневое пятнышко с редкими золотыми огоньками окон, вблизи — целое хозяйство, живущее своей неторопливой жизнью.

Я была девушкой городской и мало что смыслила в сельской жизни. Но подобные места всегда странным образом притягивали меня. Я видела в них перевал — точку, где мож-

но ненадолго остановиться и переждать бурю.

Бурей была вся моя жизнь.

Я несколько раз чуть не закончила плохо, но выживала. А потом начала ходить к психологу. Он честно сказал, что мое лечение — это надолго. Теперь два раза в неделю я посещала психолога.

Многие считали меня красивой, часто отпускали вслед комплименты, но я никак не могла понять, что именно всех так очаровывало. Или просто отказывалась видеть. Когда смотрела в зеркало — видела обычную черноволосую девушку с серыми глазами, бледной кожей и узким, как мне казалось, носом.

— Постелю вам наверху, там две свободные комнаты, — сказал Дин, слегка смущенно потерев ладони и оглядев нас. — Я лягу здесь, на диване. Мне не привыкать. Я часто после трудного дня заваливаюсь прямо там. И даже не всегда снимая обувь. Так устаю.

Он улыбнулся. Маг ответила ему тем же, но без особой теплоты. Феликс хмурился и злился — он заметил на бампере пару новых царапин и начал истерить, что отец его за это убьет, ведь сам он никогда не оплачивал ни ремонт машины, ни что-либо еще. За него все делали это родители.

— А ты где-то работаешь? — спросила я Дина, пока еще тема работы витала в воздухе. Мне нужно было узнать о нем как можно больше.

— Чаще всего работаю на ферме и полях, всякая сельско-

хозяйственная работа, — он потер шею и упер руку в бок, — а также ремонтирую машины. — Дин задумчиво закусил внутреннюю сторону щеки, когда его глаза встретились с моими. Но вскоре отвел глаза, переведя взгляд на Феликса и Маг. — То здесь, то там, знаете. Где больше платят — туда и иду. Я не привередлив в плане работы.

Маг задумчиво кивнула, чуть приоткрыв рот. На ней, как и на Феликсе — клетчатая рубашка, великоватая им обоим. Как и обещал, Дин дал нам сменную одежду. Наши вещи он закинул в стирку, клятвенно пообещав, что к утру они будут сухими и благоухать, как утренний воздух в Антарктике.

— Ясно, — рыжие волосы Маг теперь были собраны в низкий хвост. — Тяжелый, наверное, труд. Я бы откинула копыта в первый же день! — она зевнула и поплелась к лестнице, споткнувшись о ногу Феликса. — Ладно, пойду спать. Чтобы завтра наконец-то убраться отсюда. Меня ждет большое кино!

Маг остановилась на вершине лестницы и потянулась к бревенчатому потолку, улыбаясь широко, как река Миссури.

Я ухмыльнулась и закатила глаза. Феликс пошел за ней, все еще недовольный. Что-то ворчал себе под нос, время от времени откидывая кудрявую челку со лба.

— А ты? — обратился ко мне Дин.

Его голос стал за последние два часа мягче, словно он прополоскал горло молоком с медом. Он посмотрел на меня, и его взгляд, точно стрела, пронзил мне грудь. Хотя он все-

го-то посмотрел мне в глаза. Два зеленых шарика — яркие, как яблочные леденцы при ярком свете. И какими же глубокими они казались в тени — словно в них прячется целый лес перед сумерками.

— Да, мне тоже нужно отдохнуть, — я сделала шаг вперед и запахнула плотную рубашку, которую мне любезно выдал Дин на ночь. — Спокойной ночи.

Дин двинулся синхронно со мной. Он занес руку, и я инстинктивно отпрыгнула в сторону — слишком резко, почти комично. Сердце быстро заколотилось.

— Эй, ты чего? — Дин резко остановился, опуская руку, так и не коснувшись своей головы.

Я сжимала в кулаке ткань рубашки. Живот свело судорогой.

— У тебя... все нормально? Ты ведь не думаешь, что я тот маньяк из телевизора?

Он расплылся в однобокой улыбке.

«На самом деле нет. Я так не думаю. Просто думаю, что ты — мужчина».

— Нет. Конечно нет, — я смущенно улыбнулась и обошла его.

Направилась к лестнице. Положила ладонь на деревянную балясину в форме шара, и услышала под ногами тревожный скрип, когда ступила на первую ступеньку. Преодолев половину пути я обернулась и поблагодарила Дина за то, что он так мило принял нас у себя. Но на самом деле я обернулась,

просто чтобы убедиться, что он не стоит у меня за спиной.

Домашний телефон зазвонил в прихожей — и этот звук неожиданно успокоил.

Дин пошел снимать трубку. Я не стала подслушивать. Сразу зашла в комнату, когда добралась до двери и легла спать, испытав невероятное наслаждение, когда моя потная кожа коснулась холодной подушки.

На утро мне понадобилось время, чтобы понять, что терпкий запах кофе мне не снился.

Я разлепила веки и онемевшей рукой нащупала телефон. На заставке — лондонский перрон в тумане. Нужно завтра поменять.

Тоски мне и так хватало.

7:30 утра.

Я перевернулась на спину и увидела перед собой поистине странное зрелище — потолок: он был заклеен старыми газетами и неровными вырезками. Среди них — множество лиц и заголовков. Большинство слов было крайне трудно разобрать — страницы были небрежно наклеены друг на друга внакладку.

И все же нет, потолок выглядел жутковато. Мне не показалось это творческим и красивым решением.

Я села на кровати и коснулась пальцами ног черно-рыжего коврика, шершавого, как кошачий язык. В комнате царил спартанский минимализм: белые скучные стены, две старые

тумбочки по обе стороны от кровати. Неподалеку от них стояли декоративные вешалки из оленьих рогов, с которых свисали разнообразные браслетики и кулоны, напоминающие украшения индейцев.

Где-то под окнами послышалось рычание собаки.

Я натянула вчерашнюю рубашку и, преодолевая привычное отвращение, подошла к зеркалу. Привела себя в порядок и открыла дверь. На лестнице меня встретили голоса, доносящиеся из кухни. Феликс говорил громче всех. Кажется, сегодня он уже не так сильно бесновался из-за поцарапанной машины. Маг тоже была там: ее звонкий, заразительный смех разливался по дому. Скорее всего, Дин тоже был там. А где же ему еще быть? Он — хозяин этого дома, и вряд ли оставил бы трех только что окончивших колледж друзей одних в своих владениях.

Застегнув рубашку на две пуговицы, я спустилась по скрипучим лестницам. В это же время на кухне заиграла песня Bon Jovi «It's My Life». Я невольно усмехнулась, вспомнив, что это та самая песня, под которую впервые поцеловались Маг и Феликс, и той же ночью переспали. День, когда их дружба канула в лету.

Дружба — пока, привет — любовь!

Когда я переступила порог кухни, утопающей в золотистых солнечных лучах, — все взгляды устремились на меня.

Я провела руками по лицу и попыталась окончательно проснуться.

Мне нужно было в душ.

— Доброе утро, — спокойно сказала я.

Дин прищурился, словно плохо видел, внимательно осматривая меня. Затем мягко улыбнулся, держа двумя пальцами наполовину съеденный тост с сыром и ветчиной.

Феликс подпевал песне с набитым ртом. Маг что-то читала в телефоне, забывшись и удерживая чашку кофе под уклоном — та грозила в любой момент пролиться.

— О! Райли, садись! — оживленно пригласил меня к столу Феликс. — В кофейнике еще остался горячий кофе! — И указал мизинцем на кофейник на столе, уминая уже второй тост.

Вечно голодный Феликс.

Маг одарила меня незначительной улыбкой, возвращаясь к телефону.

— Да, правда, присоединяйся, — Дин поправил на запястье несколько браслетов и указал на стул перед собой. — Утренний кофе — залог хорошего начала дня!

Я кивнула и почесала затылок.

— Можно мне в ванную? — я указала себе за спину пальцем. — Я пойду пока, достану из машины зубную щетку и вернусь.

— Да, конечно, — Дин встал из-за стола. — Для тебя что угодно.

Он прошел мимо меня, и в тот самый миг, когда оказался за моей спиной, на его лице мелькнула странная, натянутая

улыбка.

В воздухе повис тонкий, почти невесомый запах — стиральный порошок, смешанный с горечью крепкого кофе. Ничего особенного, но он будоражил. Что-то в этом аромате манило, заставляло сделать шаг за Дином, вдохнуть снова.

Я открыла чемодан, нащупала в боковом кармашке зубную щетку, пасту со вкусом винограда и захлопнула дверь машины.

«Хорошо, что у нас снова есть транспорт на ходу», — подумала я. Можно было в любой момент взять и сбежать.

Здесь, где-то неподалеку, орудовал маньяк. Меня это до дрожи пугало, хотя я обожала смотреть тру-крайм подкасты и всегда считала, что таким меня уж точно не напугать.

Я старалась думать лишь о том, что очень скоро мы уберемся отсюда. Через час, максимум — два.

Я уберусь из Невады. Из дома, из Колорадо, я уже уехала. Подальше от отца. От его криков, его нескончаемого пьянства, насилия... И от запаха смерти, который меня преследовал уже много лет в том доме. Я не могла так больше жить.

«Мамин крик. Выстрел револьвера. Кровь на стене и мамыны стеклянные, безжизненные глаза. Она лежит на полу в черной юбке и небесно-голубом свитере с высоким горлышком. Папа плачет и ревет, как зверь. Он бьет по полу ладошкой, приказывая мне звонить в скорую и ничего не трогать».

Я вынырнула из этих воспоминаний, как из вязкого болота, и помчалась в дом. Через минуту я уже обливала лицо

холодной водой и несколько раз чистила зубы, запивая таблетку нейролептиков из ладошки. Руки дрожали, в желудке клубился страх. Слезы смешались с водой.

Вышла из ванной уже собранной и спокойной. Никакого намека на страх или тревогу в голосе. Лицо выражало полный покой. Лишь одно могло выдать меня — красные глаза и румянец на щеках, предательски возникающий каждый раз после моих вспышек. Но никому не должно было быть никакого дела до того, почему я плакала. Не их дело.

Маму не вернуть. Я должна была двигаться дальше. Без отца. Без того, кто был настоящим убийцей моей матери. Все твердили, что это был суицид, но никто и не подумал, что суицид не совершается просто так.

«Что-что? У меня закончилась подписка на Нетфликс? Подгорели оладьи? Пойду-ка засажу себе в голову огромную пулю от револьвера».

Нет, так не бывает! Или же бывает — когда человек не в себе. А моя мать сумасшедшей не была, это я могла сказать точно. Если можно было назвать ее огромное терпение и выдержку сумасшествием, тогда — да, она была просто невероятно безумна.

Она дала себя загубить. В этом есть и ее вина.

— Я, кстати, уже починил вашу машинку. На рассвете еще, — с довольной улыбкой сказал Дин, но в глазах его я почему-то радости не увидела. Улыбка была больно уж натянутой. — После того, как позавтракаете — можете ехать.

Я села. На этот раз мы сидели не за барной стойкой, а за обычным обеденным столом, накрытый белой скатертью, на которой в некоторых местах темнели пятна от кофе. Именно поэтому мама всегда говорила, что белая скатерть — худшее решение для повседневной жизни. Что это непрактично.

Я сделала глоток кофе — очень горький. Добавила две ложки сахара — и стало куда лучше.

— Если вы пройдете, какая у вас будет роль? — Дин посмотрел на нас исподлобья, сделав еще глоток дымящегося кофе. — Ну, в вашем этом фильме. В Калифорнии.

— Как раз сейчас это и выясняю! — отозвалась Маг, поджав недовольно губы, покрашенные сливового цвета помадой. — Чертов сценарист никогда мне не отвечает! Я что, не заслуживаю простого ответа? Мудак.

Маг нахмурилась, и это движение сделало ее резкие черты еще отчетливее. Рыжие волосы туго стянуты в высокий хвост, глаза подведены хищными длинными стрелками, а в носу поблескивал пирсинг. Красивая, как по мне, но многим ее внешность казалась слишком грубой и угловатой.

— Мне бы досталась роль старого друга наркобарона, который потом его прикроет. В самый неожиданный момент, — объяснял Феликс. Без еды во рту, что было для него редкостью. Я всегда удивлялась, как ему удастся оставаться таким стройным при таком-то аппетите.

— Наркобарона играет уже другой актер. Шишка повыше. Ты понимаешь, да? — тараторил Феликс, ломая пальцы.

Несколько раз послышался щелкающий звук суставов. — А девочки... одна из них получит роль какой-то там морской любовницы!

— Эй, — осадила его Магдалена, вздернув четко очерченную бровь.

Феликс злорадно засмеялся, ожидавший именно этой реакции.

— Не носи чушь. Какая еще морская любовница? Я или Райли, — поспешила поправить его она и кивнула в мою сторону, — одна из нас получит роль выжившей после кораблекрушения девушки. И потом, вернувшись к обычной жизни, она находит свою любовь. И мужчина этот тоже когда-то выжил в той катастрофе. Вот, что это за роль, и-ди-от! — последнее она протянула по слогам и закатила глаза под накрашенные графитовыми тенями веки.

После завтрака мы должны были попрощаться с нашим спасителем, поблагодарить его за помощь, и двинуться в путь. Но нас настигла новая проблема. Точнее, все та же, но вновь вернувшаяся: что-то снова забарахлило в машине, и пришлось ждать еще два часа, пока мистер Хардинг разберется с неисправностью.

Время поджимало. С каждой потерянной минутой я представляла, как мне отказывают: приходит сообщение, что вместо меня на роль взяли кого-то другого.

Я не уверена, что справилась бы с этим...

Загружать вещи не требовалось — они уже лежали внутри

новенького «Мерса» Е-класса Феликса.

— Блин, ну что за дерьмо? — в сердцах спросила Магдалена, постукивая красными ноготками по крыше машины. Ее рыжие волосы горели огнем, когда солнце запускало в них свои пальцы.

Феликс стоял неподалеку и пил ванильную колу, которой нас всех угостил добрый хозяин, чтобы мы не стояли без дела.

Вдруг Дин отвлекся от работы и взглянул на меня, щурясь от солнца.

— Ты забыла в своей комнате зарядку, кажется. Это ведь твоя? Белая такая. На ней еще наклейка, — сказал Дин, вытирая гаечный ключ засаленной тряпкой.

Я поблагодарила его за внимательность, вошла в дом и быстро взбежала по лестнице. Когда оказалась в комнате, в глаза снова бросились газетные вырезки на потолке. Прямо целая мемориальная доска.

Выдернув из розетки белый блок, я поспешила назад. Дернула за ручку, но дверь не поддавалась.

Попробовала еще раз. Затем еще.

Заперто.

Но ведь буквально только что я вошла без каких-либо проблем. И точно помнила, что никакого ключа в замке не было. Или.. был?

— Эй! Есть там кто? На меня дверь захлопнулась! — громко прокричала я и снова попробовала открыть.

Мне никто не ответил. Тишина стала пугать.

— Маг! Феликс! — звала я, но очень быстро поняла: меня никто не услышит. Они ждали меня на улице. В доме никого не было — это было очевидно.

Я машинально потянулась к карману за телефоном — и тут же осознала, что на мне не джинсы, а белое платье без единого кармана.

Ринулась к окну, чтобы позвать на помощь оттуда, но окна не поддавались. Когда потянула за ручку — слышала лишь хрустящий звук, словно рама вот-вот отвалится вместе с куском стены. Ударить по нему не могла — окна были не пластиковые, и сразу бы разбились вдребезги.

Меня никто не искал. Это было странно.

Тогда я решила просто сесть и подождать. Кто-то точно придет за мной. Зная терпение Маг, она вмиг взлетит недовольная по лестницам и начнет плевать ядом, что я так долго собираюсь. Скажет, что никто не собирается ждать одну меня. Даже перед тем, как отправиться в Калифорнию, она велела, чтобы я сейчас же посадила свою задницу в машину, если хочу ехать с ними. Иначе — будь здорова и пиши письма!

Признаться, я всегда знала, что Маг считала меня более одаренной актрисой. По этой самой причине мне срочно нужно было выбраться отсюда. Я должна была получить эту роль. После этого фильма мне больше не пришлось бы жить с отцом и перебиваться съемными квартирами за 150 долла-

ров в месяц, где иногда даже не было вайфая. Большую часть времени я жила вдали от отца, но каждый раз возвращалась назад. Дом не отпускал меня, зывал ко мне. Но я твердо решила: я должна вырваться и взлететь сквозь колючие тернии к свету.

Испугавшись последствий своего бездействия, я вскочила на ноги и снова подбежала к двери, чтобы продолжить колотить в нее. Но как только моя ладонь коснулась гладкой белой поверхности, дверная ручка резко задергалась. Кто-то пытался открыть дверь. Затем послышался звон множества ключей и скрежет ключа в замке. И дверь наконец открылась.

Как сумасшедшая или человек два дня не ходивший в туалет, я дернула на себя дверь. Передо мной стоял Дин. Его малахитовые глаза пристально изучали меня; он удивленно нахмурился и открыл было рот, собираясь что-то сказать, но я оттолкнула его с пути и сбежала вниз по лестнице, лишая его этой возможности.

Зачесала падающие на лицо волосы назад, смотря под ноги. Сердце билось в ушах так громко, словно кто-то бил по огромным барабанам.

Я вылетела на улицу — и в глаза сразу ударил яркий солнечный свет. А в нос — запах горячей земли и застоявшегося машинного масла.

Место на подъездной дорожке, где еще час назад стоял серый «Мерседес» — пустовало. Машина пропала. Одни ка-

мешки, да грунтовка. Там теперь сидел маленький воробей, растерянно вертя головкой в разные стороны. В этом мы с ним были похожи.

— Где... где они?

Я ничего не понимала, надеясь, что они поехали в магазин, чтобы закупиться в дорогу. Все происходящее казалось абсурдным сном. Еще это слепящее, надоедливое солнце, бьющее в глаза каждый раз, когда взгляд падал на что-то металлическое.

— Где Магдалена и Феликс? — снова спросила я, оборачиваясь на только что подоспевшего Дина. — Я пошла за зарядкой и на меня захлопнулась дверь, а потом... — слова застревали в глотке. Во рту сильно пересохло, язык цеплялся за губы.

— Успокойся, подожди, — Дин вытащил руки из карманов джинс и подошел ко мне. Его большие ладони легли мне на плечи — мягко, но настойчиво, словно боялся, что я упорхну. — Мы звали тебя. Я думал, ты переодеваешься и не стал заходить за тобой. Я озвучил свое предположение, и твоя подруга, как бы тебе сказать...

Он вздохнул, глядя на что-то над моей головой, но вновь нашел мои глаза и продолжил:

— В общем, она сказала, что если ты не выйдешь через пять минут, то им придется уехать без тебя. Я сказал, что это неправильно и не по-дружески, а она мне, что не мне ее учить. Сказала, что ни за что

не пропустит важное прослушивание из-за...

Дин пожевал угол нижней губы, решив не договаривать.

Что такого сказала обо мне Магдалена, что Дин не захотел договорить? Что я больная? Психованная, утопающая в травмах?

— Что? Подожди-подожди... — я снова обратила внимание на шрам, ничуть не уродующий его красивое лицо. А потом заострила внимание на самих его губах. Эти губы говорили то, что давило на меня, как тонна

кирпичей. — Ты хочешь сказать, что... Дин закусил губу.

— Я пошел в магазин за пивом, — он указал на коробку пива, стоящую на сложенных друг на друга колесах от какой-то огромной машины. — А когда вернулся, их уже и след простыл.

Он потянулся ко мне. Его пальцы судорожно коснулись моего плеча. Полы его шляпы задели мой лоб, затенив наши лица. А я все стояла, как вкопанная, переваривая все это. Июньское солнце безжалостно жгло кожу. Меня словно бросили в бочку с дымом и забили сверху фанерой — так я чувствовала себя, пытаясь все осознать. Я тешила себя надеждой, что это розыгрыш и сейчас серый кабриолет выплывет откуда-то и Феликс потешно выкрикнет: «Сюрприз!» Но этого не произошло.

Ни тогда, когда Дин обнял меня и прижал к своей груди, пахнувшей табаком и жареным беконом, ни позже — когда я заметила свои чемоданы, бесцеремонно брошенные у му-

сорного бака.

Меня выкинули, как пустую пачку из-под сигарет.

ГЛАВА 4

Я взболтала красно-ржавую жидкость в стакане — и лед застучал о стенки. Вдохнула резкий запах виски и сделала обжигающий глоток уже второй порции. Разум еще не успел затуманиться, но этого я и не добивалась. Хотелось оставаться трезвой, на чеку. Особенно после того, как всплыли новые подробности недавнего убийства.

Девушку звали Дакота Ромеро. Двадцать пять лет на момент убийства. У нее остались годовалый ребенок и муж.

Господи, это так ужасно.

Малышу теперь предстояло расти без матери. У него жестоко и бессовестно отняли возможность иметь полную семью и материнскую ласку. Он не будет помнить ее рук и любви. Как она играла с ним по вечерам перед сном.

Ничего.

Одно чудовище украло счастье целой семьи.

— Значит, ты занимаешься фотографией? — спросила я и кивнула в сторону дома, где у телевизора лежал черный фотоаппарат в окружении всяких разных журналов и газет.

Мы сидели на веранде. За моей спиной открытое окно. Изнутри доносилась старая фолк-композиция с кассетного магнитофона. Сто лет не видела таких штуквин.

— Да, — сказал он. — Больше всего в этом деле мне нра-

вится останавливать момент.

Дин отхлебнул большой глоток из стакана. Он тоже пил виски, хотя, помню, говорил, что ничего, кроме пива не пьет.

— Щелк — и тот или иной момент с тобой навсегда! Уникальное мгновение, которое больше не повторится. — Он медленно спустил ноги с плетеного столика и подошвы тихо топнули по дощатому полу. — Когда держишь в руках камеру, чувствуешь себя хозяином положения. Понимаешь, о чем я?

— Да, думаю, понимаю, — кивнула я, однобоко улыбнувшись. Откинулась на спинку кресла. В воздухе пахло дымом от костра, влажной землей и мылом — это, скорее всего, уже от Дина. — Просто в моей собственной жизни таких ситуаций было не так много.

Я закинула ногу на ногу, смахнув с коленей пепел.

«Ты обязательно погрязнешь в наркотиках и алкоголе! Мужики будут пользоваться тобой, как и все эти режиссеры! Ты потеряешь честь и достоинство, и тогда можешь больше никогда не возвращаться в этот дом!» — слова отца снова пробрались в голову, точно как взломщик в ночной тишине. Бандиты крадут деньги и ценные вещи, а мысли об отце отнимали у меня счастливые мгновения. Как обычно.

— Расскажешь что-нибудь о себе? — вкрадчиво спросил Дин. — Мне интересно послушать.

Я прикрыла глаза — сигаретный дым раздражал слизистую.

— Даже не знаю. Я потеряла мать в возрасте пятнадцати лет, — сказала я, заправляя прядь волос за ухо. И заметила, что все внимание Дина обратилось ко мне. — Она... просто умерла.

Об истинных причинах знала только мой психолог. Дину я не спешила раскрыться. И вряд ли когда-нибудь решусь. Скоро ведь уеду.

— Депрессия? — осторожно спросил он, словно пробуя слово на вкус.

Я сглотнула, сразу впиваясь зубами в щеку, не разжимая челюстей. Довольно проницательный мужчина, подумала я. Почему он спросил так сразу о депрессии?

— Нет, — проговорила я, глядя на мигающий вдалеке, за деревьями, фонарь. Он то прятался, то снова вспыхивал сквозь листву, будто играл со мной в прятки. — Не депрессия. Она сильно болела, — солгала я.

Я повернула голову — и наши взгляды столкнулись. Он смотрел пронзительно — как хищник, чей покой был нарушен. А мой взгляд, должно быть, был грустным и потерянным. Именно такой — грустной и потерянной — я часто видела себя в зеркалах бара, когда напивалась и становилась жертвой воспоминаний. Выглядела почти всегда одинаково.

— Она бросила тебя, потому что не ценила, — без тени сомнения произнес Дин своим бархатным голосом, рассекая тишину. Глубокий шрам на губах придавал его лицу зловещее сходство с ликом Джокера.

В животе сжалось от мысли: а что, если он — это тот самый маньяк? Может ли быть такое, что вселенная сама привела меня к нему в руки, заставив в тот день остановиться нашу машину в темноте?

— О чем это ты? — насупившись переспросила я. Неужто он имеет в виду мою мать? Не посмел бы. — Кто — она?

Меня вдруг охватило острое желание оказаться в Калифорнии. Рядом с Маг и Феликсом — пусть их отношение и было показным, но это было хоть что-то. Мысль о возвращении домой я сразу же гнала прочь. Даже компания незнакомого сельского мужчины казалась куда более приемлемой.

— Магдалена, — ответил он, не сводя с меня глаз. На веранду залетел воробей. Приземлился и сразу запрыгал по доскам, подбирая клювом остатки пищи.

— И Феликс. Твои, так называемые, друзья. Прости за прямоту, но меня не покидает ощущение, что она так спешила не потому, что в вашем этом Лос-Анджелесе не подождали бы лишних полчаса. — Он усмехнулся и отвел взгляд, отпивая из стакана еще один знатный глоток. Его лицо при этом внезапно посуровело.

Даже если Дин и был прав, я не хотела слышать это еще и от него — с этим прекрасно справлялся и мой разум, который в последний час только и занимался тем, что воспроизводил в памяти все фразы Маг, в которых любой более-менее умный человек заметил бы зависть, ревность и пассивную агрессию. Маг недолюбливала меня, я давно это подо-

зревала. Но предпочитала игнорировать.

— Знаешь, не обижайся, но тебе и правда не стоило лезть туда, о чем ты ничего не знаешь, — протараторила я, нащупав позади себя пачку сигарет. Нервно выудила одну, сунула между губ и чиркнула зажигалкой. — Да и вообще, зачем ты мне это рассказываешь?

Я нахмурила брови от слезоточивого дыма.

— Во-первых, потому что не люблю, когда хорошими людьми пользуются, как половой тряпкой, — Дин со стуком поставил граненый стакан на столик и протянул ко мне руку, словно приглашал на танец.

На его лице мелькнула улыбка, а я ничего не понимала. «Чего он так на меня смотрит?» — промелькнуло у меня в голове. В ответ на мое удивленное лицо, Дин покачал головой и кивнул на пачку сигарет, сдерживая ухмылку или даже смех.

Ну да, точно.

Я передала ему пачку, невольно коснувшись пальцами его ладони.

— Ты куришь хорошие сигареты. Мне нравятся.

— Забирай. У меня в сумке еще целый блок, — сказала я, возвращаясь к сути нашего разговора. — Ладно, а что во-вторых?

Я бесцельно крутила пепельницу на подлокотнике кресла. С чего он взял, что вообще может что-то мне объяснять? Думает, так хорошо знает меня? Чушь.

— А во-вторых, я знаю, о чем говорю, Райли.

Когда он произносил мое имя, оно звучало совсем иначе и удивительно приятно, словно кто-то убаюкивал меня перед сном, обещая, что монстр не явится из шкафа.

— Мне уже приходилось встречаться с подобным, — он фыркнул, поджав губы, — и даже больше. Меня травили, не раз били, предавали.

Дин поднялся на ноги и облокотился о перила, опустив голову. Под каблуками его ковбойских сапог заскулили половицы.

— На моих глазах убивали. На моих глазах сводили счета с жизнью, — на этом слове он взглянул на меня, напряженно играя челюстью — вправо, влево. — И поверь, на сегодняшний день мне не так трудно распознать, когда какая-то девушка хочет заполучить роль, сбрасывая со счетов подругу посредством удобного случая.

Он замолчал. Я почувствовала, как что-то мягко коснулось моих пальцев. Посмотрела вниз — на моих пальцах лежал пепел. Пока он вещал мне о своих жизненных невзгодах, а я так внимательно слушала, что сигарета успела дотлеть. Вплоть до самого фильтра.

— Да, — сказала я. — Но, вообще-то, я знаю это и так.

Я швырнула окурок в пепельницу и встала, на нетвердых ногах уходя в дом.

Мне срочно нужен был план, как уехать отсюда. Прослушивание начиналось только через два дня, а значит, я могла

успеть, если буду действовать быстро.

Когда я оказалась в гостиной, сразу пошла на кухню, чтобы забрать свой телефон и пойти принять душ. Теперь, когда я получила свою одежду, мне не нужно было больше носить чужую рубашку. Хотя пахла она, стоит заметить, так вкусно и пьяняще, что хотелось оставить на память. Да и спать в ней было очень удобно. Мой телефон лежал на столешнице

Едва я коснулась его, экран вспыхнул.

Внутри все сжалось в комок, по ногам пробежал холодок. Вот до чего я дожила — вздрагиваю от простого звонка.

Телефон задребезжал, кухня наполнилась песней Guns N Roses «Don't cry». На экране высветился незнакомый номер. Все мои органы чувств были против того, чтобы я отвечала на звонок.

Я схватила телефон и уставилась на него, как на гранату с выдернутой чекой.

Дин размашистой походкой подошел к дверному проему, отделявшему кухню от гостиной. Прислонился плечом к косяку. Руки засунул в карманы, а взгляд уставил на меня. Закусил нижнюю губу.

— Не ответишь? Может... это из Калифорнии звонят? Я мог бы тебя отвезти, все равно завтра я свободен. Если ты... еще успеаешь на пробы. — Дин почесал затылок.

Я собрала волю в кулак и подняла трубку. Каждый раз, отвечая на незнакомый номер, я чувствовала себя так, будто меня окунули головой в ледяную воду.

— Алло? — выдавила я, прижимая телефон слишком сильно к уху.

Сперва было тихо. Затем послышались непонятные шорохи и далекий, будто из глубокого колодца, плач. Сердце сжалось до размера горошины. Дышать стало трудно.

На том конце снова зарыдали, а потом послышалось громкое, прерывистое дыхание.

Мне тут же вспомнился фильм «Звонок», как бы абсурдно это ни звучало.

— Эй? Вы там? — зазвучал немолодой женский голос, в котором вибрировала паника. — Это Райли?

Снова плач. Теперь, кажется, мужской.

— Да. Все верно.

— Я мать Магдалены Дойл! А как вы...

— Да, — ноги сразу онемели, — я вас слушаю.

Я смотрела на Дина — на единственного человека, в ком в данный момент могла найти поддержку. Он наблюдал и ждал, пока я хоть что-то ему расскажу.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Что случилось? Вы... вы что, шутите? — мать Маг почти задышалась. Потом резко выдала то, чего я никак не ожидала услышать: — Она умерла! И ее парень Феликс тоже! Разбились на машине по пути в Калифорнию! — почти кричала она. — И Райли, то есть ты, тоже была с ними! Они ехали вместе! Разве нет?

Почему она говорит обо мне в третьем лице?

— Как ты выжила?!

Мне захотелось разжать пальцы, чтобы телефон выскользнул из потной ладони и разбился об пол. Чтобы не слышать больше этого хриплого голоса, который утверждал, что мои друзья погибли.

Живот пронзила резкая боль, воздух разом застрял в груди.

На мгновение, когда в ушах загрохотало сердце, я перестала слышать ее.

— Что там такое случилось? — спросил Дин.

— Почему ты молчишь? Райли, почему ты жива? — тем временем звенел хриплый голос в трубке, когда слух вернулся ко мне, а перед глазами больше не было белым-бело, как в раю. — Что случилось с моей дочерью?

— Я... отказалась ехать в последний момент, — почти прошептала я. — Не смогла поехать. И они уехали без меня. Я... не знаю, что с ними могло произойти. У нас сломалась машина на дороге, и... — я взглянула на Дина. Тот выглядел как гранитная горгулья на постройках мрачных замков: не двигался, даже не моргал. Его взгляд был устремлен прямо на меня.

Мне нужно было сесть.

— И? Что было дальше? Что? Говори уже!

— Феликс был плохим водителем, возможно, не справился с управлением. Он не знал местных дорог! — я почти закричала. Нервы сдали, руки тряслись. — Машина могла сло-

маться! Я не... не знаю, что еще сказать вам.

— Ты сейчас где? — допытывалась мать Маг, шмыгая носом каждый пару секунд. — Ты вернулась домой? Могу я поговорить с тобой лично?

— Нет, меня нет дома! Я... — голос осип, словно голосовые связки увязли в патоке. Я не выдерживала этого разговора. Мне требовался покой. Тишина. Нужны были мои таблетки... — Я... ничего больше не знаю! Меня нет дома! И в ближайшее время не будет! Я... кладу трубку! Извините, я не могу ничем помочь вам.

Дрожащим пальцем я кое-как нажала на красный кружок внизу экрана. И задрожала, чувствуя, как корчится моя физиономия от нахлынувших эмоций — со стороны, наверное, оно было похоже на сморщенную сливу, пролежавшую на солнцепеке, — и зарыдала, хватаясь за живот. Легкие не справлялись со своей задачей.

Дин подошел ко мне, но осторожно, как к раненому зверю. Телефон снова зазвонил.

«Нет, только не это. Ни снова» — подумала я.

Я занесла телефон над головой и ударила со всей силы — так, что рука онемела — об пол. Телефон разлетелся на части, некоторые запрыгнули под холодильник. Под ногами зашуршали осколки, похожие на сахар, когда я стала топтать то, что осталось от айфона.

— Эй, эй, эй! — Дин оказался около меня в секунду. Обнял за плечи и вывел меня из кухни. А потом и из самого

дома.

Он обхватил мое лицо ладонями и заглянул в глаза, которые я отчаянно прятала. Я не хотела сейчас ничего видеть, кроме темноты. Глаза были закрыты, я зажмурилась так сильно, что в ушах поднялся звон, точно в голове бушевала агрессивная метель.

— Райли!

Ноги подкосились. Дин ловко меня подхватил, сажая на пол. Все его движения были отточены, словно ему каждый день приходилось приводить в чувство девушек с расшатанной психикой, у которых разбились друзья. Девушек, что бегут от самих себя. Только вот куда я бежала — оставалось загадкой. Главное — не оставаться в реальности.

Не оставаться одной.

ГЛАВА 5

— Что случилось? Что? — Дин потряс меня за плечи, и я заставила себя открыть глаза. Меня бросало то в жар, то в ледяной озноб. — Ты должна рассказать. Я начинаю переживать.

— Маг, — выпалила я. — Она и Феликс... они разбились. Я не знаю, как. Звонила мама Маг, — меня начало тошнить. Желудок кувыркался, по пищеводу поднималась кислота. — Сказала, что они погибли. Слетели с обрыва. Где-то на пути в Калифорнию. Они мертвы! Мертвы...

Собака вылетела из будки и залилась хриплым лаем. Дин грозно окликнул ее — и та покорно замолчала. Лишь заскулила и забурилась к себе в домик.

Я судорожно вспоминала слова, которые в шоковом состоянии едва понимала: «умерла», «доченька», «погибли».

Некоторые слова вылетали из меня настолько неразборчиво, что Дину приходилось шуриться, словно он всматривался в яму с червями, куда упали ключи от дома, и ему нужно было их оттуда достать.

Я оттолкнула его и рухнула на колени, вырывая на сухой песок у подножья веранды. Я снова и снова сгибалась как ошетилившаяся кошка, хватаясь за живот, пока внутри ничего не осталось.

Дин опустил на корточки и опустил руку мне на плечо.

Повернул меня к себе лицом, не брезгуя вытереть рвоту с моего подбородка пальцами. Схватил железную лейку с перил и выплеснул немного воды на ладонь.

— Все хорошо, успокойся, — в лицо прилетела порция прохладной воды. Вода оказалась больше приятной; она не могла заставить меня прийти в себя, но все же немного освежала.

— Пошли в дом. Поговорим там. Мы во всем разберемся, ладно? Ты и я.

«Ты и я» — эти слова застряли в голове, как заноза в пальце. Пока он тащил меня за собой в ванную, в голове эхом отдавалось только эти слова.

Мне было так приятно это слышать. Я так давно не слышала ни от кого этих слов. Кроме тех раз, когда меня хотели трахнуть. «Ты и я. Мы можем провести ночь вместе, детка. Как ты на это смотришь?» Фу.

Мужской, низкий голос обволакивал слух. А слова о том, что вместе мы справимся, были сравнимы с тем ощущением, с той эйфорией, как когда за тобой гонится стая волков, и вдруг появляется некто, предлагающий тебе спрятаться пока у него дома.

— Умойся, давай.

Дин повернул кран и сел на бортик ванны, ожидая, что я подчинюсь. И я подчинилась. В тот момент он был единственным, кто здраво мыслил и кому можно было доверять. Кто лучше всего знал, что нужно.

Доверять себе, к сожалению, я не могла.

— Нет, нет. Холодной, — он перекрыл правую ручку крана и покрутил левую, откуда хлынула сразу же ледяная вода. Проверил пальцем температуру и встал позади меня. — Умойся холодной.

Я делала, как он говорил. У меня несколько раз перехватывало дыхание, когда моей кожи касалась холодная вода — казалось, это был ледяной айсберг, в результате столкновения с которым когда-то был потоплен величественный Титаник.

«Блин, это не „Титаник“, это кино о другом!»

В памяти всплывали воспоминания о ныне мертвой Маг, которая вечно выходила из себя и злилась, когда кто-то коверкал истинный смысл фильма, в котором она надеялась сняться. Или когда думал, что «Глубина чувств» — так назывался проект — это ремейк популярного на весь мир, оscarоносного фильма с ДиКаприо и Кейт Уинслет.

Роль, которую она больше никогда не получит.

Никогда не получу уже и я. Паника вонзилась в меня мертвой хваткой, парализуя волю. Я знала свои состояния как свои пять пальцев: каждый уголок своего сознания, каждую мысль, и к чему она могла привести. Я знала о себе все. Или почти все. Но точно знала одно — поездка в Калифорнию отменяется. Страх вселился в мою душу подобно дьяволу, разрывая ее на куски своими острыми когтями.

Смерть друзей стала спусковым крючком. Щелчок — и

мои демоны, дремлющие в подвале сознания, вышли наружу, всполошились. Теперь я не знала, что делать. Они пробудились и начали пережевывать мое сознание. Слои за слоем, как плоть с костей. И больше не хотели возвращаться в дрему. Они вышли на охоту. И добыча у них одна — я.

Я оперлась всем весом на раковину. Кран заскулил, когда Дин медленно перекрыл воду. Волосы липли к мокрому лицу. Несколько прядей я чувствовала во рту языком. Лицо горело, как если бы я весь день провела под прямыми лучами солнца.

Дин отодвинул пару прядей моего от лица.

— Не надо, я сама, — я отмахнулась от его руки и вышла из ванной на слабых, ватных ногах. Волосы, ниспадающие до локтей, снова рассыпались по плечам. Концы их были похожи на черные толстые иглы — болтались из стороны в сторону, когда я брела к дивану.

Я села и запрокинула голову назад, стукнувшись затылком о грубую спинку, аж зубы забились друг о друга. Дышала ртом, слушая, как по новостям говорили уже о чем-то другом. О климате этим летом, кажется; о том, что завтра будет +32° С. Пока не было слышно ничего о маньяке. А мог ли он быть причастен к смерти Магдалены и Феликса?

— Тебе принести воды? Или, может, хочешь поспать? Я принесу плед, — предложил Дин, но я изнеможенно покачала головой, не в силах вести диалог.

Смотрела в потолок и увидела там, в углу, дырочку. И в

ней что-то блеснуло. Похоже на пулю. Таковую же когда-то достали из виска моей матери. Выстрел произошел из «Магнума» сорок пятого калибра. Летним, жарким вечером.

— Дай отдохнуть желудку. Потом я приготовлю чего-нибудь легкого. И мы сядем и поужинаем, — заботливо сказал Дин, сидя в метре от меня и не сводя беспокойного, но сурового взгляда.

Его рука покоилась на подушке, и я заметила, что костяшки его пальцев были побиты — не торчали бугорками. А значит, ему приходилось много драться. Ломать кулаки. Помимо шрама, пересекающего его рот, на ключице красовался еще один — покороче. Можно было предположить — от ножа или стекла. А еще совсем мелкий шрам на брови. Этот прекрасный мужчина весь был в шрамах. Что с ним произошло?

— У тебя есть аспирин? Или что-то...

— Есть, — Дин понял без долгих объяснений. — Сейчас принесу. Можешь пока что-то поискать на телевизоре. Каналов не много, но уверен, ты сможешь что-то найти.

Как только он ушел, я потянулась к черному пульту в целлофане и сделала как раз все наоборот — нажала на красную кнопку и вырубил телевизор.

Сразу стало блаженно тихо. Тишина — это лучшее, что придумала природа для людей с расстройствами. Она лечила не хуже, чем курс терапии. А иногда даже и лучше.

— Вот, — Дин вернулся со стаканом воды и таблеткой,

лежащей на его грубой ладони.

Я закинула белое колесико в рот и почувствовала горький вкус на языке. Сразу запила водой, с трудом сглотнув.

— Спасибо, — я вернула стакан его законному владельцу, который положил его на низкий прямоугольный столик, обшарпанный

по краям. — И еще спасибо за то, что помог. Ну...

— Да, я понял, — он коротко улыбнулся. — Не стоит благодарности. Людям нужно помогать. Да и вообще всем. Этим я занимался почти всю жизнь.

— Как это? — я уже подумала, что он врач или работал в доме престарелых.

— Всю молодость я провел на ранчо у деда, в центральном Техасе, в Бренхеме. Животных там было больше, чем рабочих рук. Так что я ухаживал за ними. Мне нравилось. Хотя работа была изнурительной.

Он присел на подлокотник дивана, очень близко к моему плечу. Бедрями, обтянутыми джинсой, коснулся моего колена. По желудку пронеслась волна — мое тело вело себя странно рядом с ним: хотело, чтобы он был близко. Неосознанно. В нем было что-то, к чему меня тянуло, вопреки разуму. Как глупого мотылька к раскаленной лампе.

— А потом? — я поменяла положение на диване, чтобы лучше его видеть. — Переехал сюда?

— Да, верно. — Дин почесал пальцем переносицу, а потом его ладонь шлепнулась на бедро. Он поковырял ногтем

какое-то белое пятнышко на колене. — Я уехал оттуда. После смерти деда. Он завещал все мне.

На эти деньги я и купил этот дом.

Он скромно улыбнулся.

— Но даже после этого я продолжил ухаживать за братьями нашими меньшими. Вон там, не так далеко, — он указал в сторону двери, — есть очень красивое ранчо. Может, ты видела. Там я подрабатываю иногда, кормлю телят, жеребчиков, свиней и...

— Да, я поняла, — перебила я, посчитав, что если он скажет хоть что-то еще, я потеряю голову и влюблюсь в этого невероятно привлекательного простака. — Ты очень добрый. Я это уже поняла.

Мои губы дернулись в улыбке. Он ответил взаимностью.

— У меня, кстати, у самого лошади имеются. В том амбаре, который ты, вероятно, могла уже видеть, — он указал в сторону окна.

— Правда? — почему-то мне показалось это удивительным. Я очень давно не видела лошадь живьем. Только на картинках и фильмах. Однажды мне довелось погладить жеребчиков в зоопарке, и все на этом. — Покажешь потом?

— Конечно.

— На счет того, что я добрый... — после минутного молчания заговорил он, скромно улыбаясь и разглядывая свои джинсы. — Ты об этом знать не можешь. Не спеши с выводами о людях. Кому как ни тебе должно быть это известно,

учитывая недавние обстоятельства.

Он подхватив со столика стакан, из которого я пила и за пару секунд осушил его. И ведь даже не побрезговал, как бы это сделали многие другие. Даже я сама часто не пила после себя, если посуда стояла на столе много часов.

— Ты знаешь меня совсем мало времени Райли, — предостерегающе заверил он, затем поднял нижнюю частью футболки, на секунду открывая моему взору полоску загорелой кожи.

— Зато могу предположить, — возразила я, пытаюсь прогнать из головы вид его шикарных кубиков на животе.

В памяти вспыхнуло, как он пекся надо мной, когда меня трясло и рвало. Он действительно переживал за меня. Так поступают только достойные, хорошие люди.

— Можешь? — Он прищурился, тихо рассмеявшись. — Ну ладно, пусть будет по-твоему. В таком случае, хочу заверить — я могу и куда больше. Забота и понимание — мое второе образование. — Он самодовольно вскинул бровь.

— А какое первое?

— Ох. — Он покачал головой и закатил глаза. На лице мелькнула тень стеснения. — Только не смейся! Это прозвучит очень банально.

— Не буду, — пообещала я.

— Сельское хозяйство.

Он сощурил один глаз, ожидая, что я нарушу обещание.

— Да, действительно, — я кивнула, сдерживая улыбку. —

Банальнее было бы только, если бы ты сказал, что твой любимый жанр фильмов — вестерны, а потом выкрикнул «Йи-хааа!», при всем при этом поправляя большим пальцем свою ковбойскую шляпу!

Дин потер ладонями лицо, затем от души рассмеялся — раскатисто и тепло.

В нем было столько жизни, что я невольно замерла, наблюдая за ним и завидуя, что он может вот так искренне смеяться, не боясь, что смех скоро может перемениться слезами.

— На самом деле, это круто, — сказала я. Желудок потихоньку уже успокаивался. — Правда. Здорово, что ты работаешь там, где чувствуешь себя на своем месте.

Улыбка сбежала с его лица, как пороховой дым после выстрела из ружья — остался едва уловимый фантом. Что-то в моих словах задело его.

— Ага. Чертовски верно, — его глаза прыгали вверх-вниз. Вверх — на мои глаза, вниз — на губы.

— Хорошо, когда все на своем месте. Там, где должно быть, — проговорил он задумчиво.

Он часто о чем-то размышлял — уходил с головой в мысли, — но никогда не хотел этим делиться. И я не настаивала. Каждому из нас было что беречь для себя. Думаю, у всех нас имеются особенные мысли — те, что навсегда останутся за семью печатями. Некоторые тайны не просто живут с нами — они становятся частью костей и крови, а потом тихо ложатся рядом с нами в могилу. Где им, возможно, самое ме-

сто. Там их вечная обитель.

Ночью мы не спали. Дин видел, что мне страшно засыпать и оставаться одной после сегодняшних событий, и почти до самого рассвета мы провели на кухне, играя в карты и выпивая.

— Эй, ты только посмотри! — Дин со стуком поставил ярко-зеленую бутылку на стол. Пиво вспенивалось у горлышка; он наклонился и слизал белую пенку. И затем, с легким щелчком, скинул мне три карты.

Я снова выиграла.

— Оо, ну нет! — Дин побеждено застонал. — Это уже совершенно не смешно. Я и так проиграл дважды. И, похоже, третий раз — не за горами.

Дин сощурил один глаз, глядя на меня с усмешкой. Он был изрядно пьян. Шрам на его щеке скрутился в неглубокую ямку.

Я изо всех сил старалась выкинуть из головы картины сегодняшнего дня: телефонный звонок, а затем Феликса и Маг, которых мой мозг представлял в крови, почти без лица.

Я хотела думать, что они сейчас в лучшем мире. Пусть земля им будет пухом. Мы не были особенно близки, но я любила их.

— Ты определенно прав, — сказала я и не спеша вытянула две карты. Бросила их на стол с легким, почти насмешливым шлепком, накрыв его комбинацию. — Вот и все. Вы, мистер Хардинг, снова повержены. — Склонила голову набок, а гу-

бы сжались в жалостливую линию. — Надеюсь, вы не будете ночью плакать в подушку.

Но я знала, кто точно будет. Я.

— Не беспокойся, я закрою дверь, чтобы ты не слышала, — он скинул оставшиеся карты на стол, зная, что эти три несчастные карты в его руках ему уже никак не смогут изменить положение игры. — Кто тебя научил так играть? Сама научилась?

Дин положил локти на стол, схватил бутылку пива и сделал два огромных глотка, издавая усладный звук.

— Отец. Очень давно, — ответила я без улыбки.

— Да? — Дин начал собирать карты, пристально взирая на меня и покусывая уголок губы. — И что, у вас хорошие отношения?

Я потянулась за бутылкой пива. Не столько чтобы смочить горло, сколько чтобы выиграть несколько лишних секунд на раздумья. Нейролептик я запила недавно этим же пивом, хотя мой психиатр советовала мне так никогда не делать.

— Нет, — сказала я, дав щелбан сахарнице в форме подсолнуха. — Я бы их такими не назвала. Натянутые. Часто ссоримся.

Дин кивнул, не переставая изучать меня.

— И... это все? Или есть еще что-то, что ты бы хотела мне рассказать? — Дин ухмыльнулся, но потом вскинул руки в знак капитуляции. — Если ты хочешь, конечно. Или вообще, если есть что еще рассказать. Я ни на чем не настаиваю.

Алкоголь сделал меня спокойнее. Тело снова расслабилось, как всегда бывало. Мысли замедлили ход, и теперь не скреблись наружу из черепной коробки, а тихо, как придорожная пыль, осели на дно.

— У нас довольно плохие отношения, на самом деле, — призналась я, коснувшись пальцами желтых бегоний, растущих в горшке. На кухонном подоконнике было столько всего интересного, что мне хотелось все рассмотреть получше. — Иногда он мог поднимать на меня руку, а я терпела. Так продолжалось много лет.

Я отвернулась от черного окна — за ним, где-то там, вероятно, до сих пор скрывался маньяк. Новости мы до сих пор не включали. Надеюсь, его поймали и взяли под стражу. Пока я здесь, я хотела чувствовать себя в безопасности, если это еще вообще возможно: моя тревожность разрослась до такой степени, что теперь мне стоило больших усилий даже заставить себя думать (вернее, уже мечтать) о работе своей мечты, что еще недавно казалось вполне осуществимым. Я хотела стать известной актрисой, покорившей своей игрой зрителей по всему миру. Я стремилась к этому весь последний год. Упорно работала. И теперь все летело в тартарары.

— А теперь?

— Теперь нет, — монотонно сказала я, избегая, насколько это возможно, мыслей, что мне снова придется вернуться в родной дом.

— Я рад это слышать, — произнес он так тихо, что сло-

ва едва долетели до меня, и поднялся на ноги. Достал из холодильника несколько яиц, репчатый лук, банку со смесью различных трав и огромные помидоры.

Рубашка натягивалась на его спину, когда он тянул руки вперед. Даже в плотной одежде, каждый мускул его тела был хорошо очерчен. И отвести взгляд было почти так же невозможно, как от большого огня.

— И больше не буду надоедать тебе вопросами, — пропел он. — Лучше давай я приготовлю нам омлет. По моему любимому рецепту.

— Да? И что особенного в этом твоём рецепте?

— Я не говорил, что он особенный. — Уголки его губ стремительно потянулись вверх. — Я сказал, что это мой любимый рецепт.

Он снял со стены старую нарезную доску с картинкой веселого цыпленка, в лапке у которого был половник, и начал ловко кромсать лук. Цыпленок был весь изрезан глубокими царапинами — эта доска много лет верой и правдой подвергалась частому использованию. В этом не было сомнений. Это было хорошо видно.

Мерный, шипящий звук жарки овощей на сковороде мягко убаюкивал. Хотелось спать: я с трудом держала веки открытыми, то и дело обхватывая ладонями холодную бутылку пива, чтобы хоть как-то взбодриться. Не помогало. За окном стало почти светло: небо покрылось тонкой голубой пленкой, предвещая скорое утро. А мы просиживали штаны

на кухне и готовили омлет.

Ночь была прекрасна.

Я зевнула, прикрыв рот ладонью. Поставила бутылку на стол после очередного глотка, протерла глаза и с леденящим ужасом заметила, что Дин стремительно несется ко мне с огромным, острым ножом в руке. Широкое лезвие ножа сверкнуло в свете люстры. Душа мигом покрылась инеем. Я чуть не подавилась слюной и замерла, готовясь получить удар в горло и захлебнуться кровью.

— Порежь мелко сыр, ладно? — Дин поставил кухонный нож рядом со мной и вручил мне кусок сыра, перемотанный пищевой пленкой. — А я пока за плитой присмотрю. — И убежал к плите.

Я остолбенело пялилась на нож, который теперь лежал в моей ладони, и просто хлопала глазами, стараясь успокоиться.

Господи, надеюсь он не заметил...

Я сняла с сыра пищевую пленку — до половины — и начала медленно резать с дрожью в руках, превозмогая злость за то, что я такая законченная паникерша. Еле удерживалась от того, чтобы не стукнуть себя этим сыром по голове.

— Ого, не хотелось бы мне оказаться на месте этого сыра, — Дин обернулся. Лениво крутил в пальцах лопаточку, широко. Но его улыбка вмиг слетела, когда он неуклюже обжегся о накаленные края черной сковороды

— Черт! Твою мать! — Он резко стиснул зубы и помор-

щился. Пристально стал разглядывать место повреждения, дую на покрасневшую кожу.

Я кичливо ухмыльнулась, продолжая делать свое дело.

— Аккуратней, малыш, иначе придется тебе довольствоваться поздним ужином с перебинтованными руками, как у древней мумии.

«Малыш? Вот же бред. Зачем я это вообще сказала?»

— Малыш? — с неподдельным изумлением переспросил Дин

— Забудь. Это... было странно, — с усмешкой отмахнулась я, убирая волосы за спину и сгорая от стыда, который решил начать меня испепелять с лица.

Дин сказал, что ему понравилось. Я ничего на это не ответила, лишь поспешно спросила следующее, лишь бы эта тема осталась позади:

— Так хватит? — Я указала кончиком ножа на доску.

Нарезая ароматный сыр Чеддер, я не упустила шанса полакомиться им в чистом виде, пока нарезала — идеально соленый, идеально сливочный.

— Хватит, — он стукнул лопаткой о сковородку и подошел, чтобы забрать доску. Высыпал все это равномерно на блюдо и накрыл крышкой. — Вот так! Осталось подождать.

На кухне снова воцарилась тишина. Все звуки жарки остались запертыми под крышкой.

— А это что? — я заметила стеклянную банку в углу подоконника. Внутри — сухая земля, окурки и... пара сим-

карт? Они были прижаты к стенкам стеклянной банки: красные и розовые, все сломанные. А еще что-то красное на банке.

Отпечатки пальцев.

Это была кровь. Никак иначе.

— О чем ты? — Дин посмотрел в том направлении, куда смотрела я, но не сразу понял, о чем именно я говорила.

— Ты... про это? — он потянулся и схватил банку. И разглядывал ее так, будто и сам впервые ее видел.

— Да, и на банке... — я замялась.

— Кровь, — без колебаний, закончил за меня он.

Я непроизвольно вскинула брови на столь прямой ответ

— Да. Это кровь, — Дин поставил банку на стол и смотрел на нее, как на пламя свечи, что приковывает внимание. — Но не моя. Это кровь рыбы. Неделию назад я купил рыбу, чтобы приготовить себе ужин.

Разделал ее и схватился, видимо, кровавыми руками за банку.

Пожал плечами.

— А внутри... это мои старые сим-карты и прочая чепуха.

Дин поднес пальцы к губам и провел по ним в задумчивом жесте. Рот приоткрыт.

— О чем ты задумался? — спросила я после минутной паузы. Дин все еще смотрел на банку.

— Что? — Он взглянул на меня пустым взглядом. — О, нет, нет, — простодушно улыбнулся он.

— Вспоминал кое-что.

— Что-то важное?

На его лице сохранялась улыбка, но уже другая — больше похожая на хитрый оскал лисицы.

— Уже нет.

Он встал, оставляя банку на столе, и пошел накладывать нам омлета.

Будто этого разговора и не было.

ГЛАВА 6

Перед сном, ближе к четырем часам утра, когда мы вдоволь наелись — омлет и вправду был невероятно вкусным, — мне захотелось принять душ.

Я привыкла, что спальня и ванная — соседи, но здесь все было иначе: приходилось спускаться на первый этаж, в тишину спящего дома, даже если хочешь просто помыть руки.

Горячая вода приятно обжигала кожу, когда я медленно погрузилась в нее, держась за прохладные бортики. Откинувшись, я положила на лоб горячую мочалку. Пар медленно поднимался к потолку, подобно привидениям. В какой-то момент его стало слишком много, и меня накрыла легкая дурнота. Я испугалась — не хотелось терять сознание здесь, в чужом доме, чтобы Дину пришлось вытаскивать меня из воды, беспомощную и обнаженную.

Я втиснула бутылку пива, прихваченную с кухни, между бутылками с шампунями и всякими гелями для душа.

Я прополоскала рот яблочным пивом и резко проглотила; холодная жидкость приятным ледяным клинком пронзала горло и стремительно уходила вниз, прямо по пищеводу.

За шторкой послышался странный стук.

Приподнявшись с чувством волнения в животе, я протянула руку и отодвинула штору. Вглядывалась в каждый угол, в каждую тень, пытаюсь найти источник звука. Я заглянула

за старое деревянное корыто — там ничего не было. Хотя зачем она ему была нужна — неясно. У него была стиральная машина, причем очень хорошая.

Ничего не обнаружив, я задернула шторку, но в тот же момент послышался хлопок двери, словно кто-то только что закрыл дверь. Я не стала больше ничего проверять и просто перекрыла кран, позволив остаткам напряжения утечь вместе с водой. Может, Дин зашел на секунду и что-то быстрое взял, подумала я.

По окончании водных процедур я вытерлась огромным, ворсистым полотенцем и сбросила его на пол, натягивая шелковое белье. Взгляд упал на ноги: педикюр еще держался, в отличие от ногтей на руках — они отросли, старый гель-лак покрылся безобразными сколами.

Одевшись, я в последний раз провела пальцами по волосам перед зеркалом и вышла. Температура в доме, казалось, упала на несколько градусов — последствия томительных объятий с горячей водой.

— Эй, — донеслось откуда-то сверху.

Дин стоял на втором этаже, облокотившись на покрытые лаком перила. Они сияли так, будто были покрыты не лаком, а тонким слоем меда.

— Я уже собирался на боковую. Тебе что-нибудь нужно? Постель я перестелил. Сумки твои занес наверх, сложил у кровати. Если что, ты просто...

— Да, — встряла я, — могу к тебе прийти и обратиться

за помощью, — договорила за него я, надеясь, что оттуда ему не видно мою грудь. Я решила не надевать перед сном лифчик. А какой смысл, если все равно иду спать.

— Верно. — Он кивнул и оттолкнулся от перил. — И вот еще что: ты можешь оставаться здесь сколько надо. Не думай о том, что мешаешь мне тут. Все равно в этом доме никогда никого не бывает.

Я хотела его поблагодарить, но он уже двинулся по коридору к двери своей спальни, напевая смутно знакомую мне веселенькую песню с присвистом.

Я вздохнула и пошла искать свой телефон. Нашла его в мусорном ведре в компании яичной скорлупы и жидкой мякоти испорченного помидора, который растекся по всему дну мусорного пакета.

Я поморщилась.

«Снова позволила эмоциям взять над собой верх и теперь лишилась телефона. Как я уеду отсюда без него?» — рассуждала я, и вдруг меня перебили другие, более неожиданные мысли: «А хочу ли я вообще уезжать? Дин вроде не против. Смогу ли я после всего пережитого оставаться одна? Безопасно ли это для меня? Разве не могу я здесь еще немного задержаться?..»

С этими же мыслями я рухнула на чистые, прохладные простыни. Их запах — тонкий, нежный, с нотками лаванды, свежести и сладких лимонов — мгновенно перенес меня в детство; в один из тех дней, когда мама развешивала про-

стыни и пододеяльники на заднем дворе на толстую веревку, цепляя их разноцветными прищепками. Она говорила, что самые большие из них — стремные, грязно-молочного цвета, — достались ей от бабушки в приданое. Мне тогда было не понять, почему она не выбросит эту древность и не купит новые. Теперь я понимала — в новых не было памяти.

Перекатилась на бок. Поджала к животу колено. На мне были короткие шорты и, когда я двигалась, постель приятно холодила начисто выбритую кожу. На лице непроизвольно растянулась улыбка — мне было хорошо.

Приподнявшись на локте, я заметила, что окно, в которое я вчера стучала, отчаянно пытаюсь до кого-нибудь докричаться, теперь было приоткрыто. В комнату заливался бледный, сизый свет — на улице уже почти рассвело. Весь мир стоял на пороге пробуждения.

Странно. Я усердно пыталась его открыть накануне, а оно не поддавалось, словно было заколдовано. Или заклеено наглухо. Гвоздей, во всяком случае, которыми оно могло быть приколочено, я нигде не заметила.

Встав коленями на мягкие подушки, я потянулась через подоконник, чтобы прикрыть створку. Окно легко поддавалось. Но вдруг мой взгляд зацепился за красноватые разводы на нижней части рамы.

Давно высохшие. Такие, будто их отчаянно хотели оттереть.

«Кровь», — мелькнула мысль.

Я отпрянула от окна, чувствуя, как внутри поднимается знакомая, липкая тревога. Та самая, что уже однажды заставляла меня видеть угрозу там, где ее не было. Старая история: однажды я хотела купить вина, и вдруг мне показалось, что за мной следит мужчина, подосланный моим бывшим парнем, который водился в опасных кругах. И обещал после расставания меня прикончить. В итоге я бросила в него бутылку, велев ему отвязаться от меня. А он оказался лишь бродягой.

Я заставила себя отойти от окна. Это точно не кровь. Просто какие-то пятна на старом дереве, в которое легко впитывается любая жидкость.

Я решила не засорять себе лишний раз голову ужасными догадками и лечь спать. Вряд ли это была кровь. Дин и так смотрит на меня с легким недоумением, когда я задаю неудобные вопросы. Устало вздыхает, видимо, считая меня немного не в себе, но всегда отвечает.

Я задернула плотные коричневые шторы и укуталась в одеяло. Уснула быстро и даже без таблеток — тяжелый день сделал свое дело, сегодня они были ни к чему. Лучше приберечь волшебные пилюли, пока я здесь. Они, к сожалению, еще мне пригодятся. А запас их не бесконечен.

Мне снилось, что я — фотомоделль. Вокруг непрекращающаяся суeta, вспышки софитов, важные люди снуют как в ускоренной съемке. Я слышала громкий, отчетливый щелчок затвора. Меня слепило. Пространство взрывалось крас-

ками. Люди смеялись, обнимались, целовали друг друга в щеку. Меня обожали. Я старалась не щуриться, застывая в искусственной улыбке, когда меня просили смотреть прямо в объектив камеры.

Вспышки не прекращались.

Я проснулась от невыносимой духоты и резко села на кровати. В комнате висел странный коктейль запахов: персика, деревянных опилок и засахаренного жареного фундука. И едва уловимый запах коньяка. Так пахнет от Дина. Эта мысль странно возбуждала меня... Но все это было неудивительно — это ведь его дом, и дом пахнет своим хозяином.

Перед глазами плясали белые полосы и синие пятна, стоило мне только моргнуть. словно и правда вот только что сошла со съемочной площадки, где меня щелкали со всех сторон.

Я вытерла пот с лобинки, взбила подушку и закрыла глаза, позволив тишине вернуть все на свои места. Мне надо было поспать. Но как только мои веки сомкнулись, а руки сжались вокруг прохладной подушки — тут же послышался пронзительный женский крик, ворвавшийся в комнату и разрывая тишину ночи. Крик доносился с улицы.

Я судорожно вскочила с кровати и была уже готова бежать звать Дина, чтобы он посмотрел, что такое там происходит, но вовремя опомнилась.

Я подобралась к окну и вгляделась в темноту за стеклом. Никого и ничего, что могло бы привлечь мое внимание или

заставить бояться. Лишь теплая ночь да порывистый ветер; кроны тоненьких деревьев мотало из стороны в сторону, по дороге скользил бумажный стаканчик из-под кофе, застрявший в траве. Ни одной кошки я не нашла, ни собаки.

Совсем никого.

Кто кричал?

Постояв там еще пару минут и изредка вылавливая нечеткие человеческие образы, которые оказывались обыкновенными тенями, я вернулась в постель и уснула.

Правда только через час или даже позже. Никак не раньше.

На утро из тяжелых, черно-белых сновидений меня вырвал глухой стук.

Бум-бум.

Бум-бум.

Я медленно открыла глаза, пытаюсь понять, откуда идет этот звук. Послышался громкий чих, а через минуту тот самый звук стучащий повторился — приглушенный, но настойчивый. Он точно шел снизу.

Отыскала на тумбочке фиолетовый бюстгальтер, что захватила с собой вчера из ванной и надела. Спустила вспотевшие за ночь ноги с кровати и взглянула в зеркало: белки глаз — в тоненькой паутинке капилляров. Серые мешки. Щека с одной стороны — исполосованная и розовая после сна.

Поправила волосы и уже взялась за ручку, чтобы выйти, как вдруг замерла: на ковре у комода темнели размытые

красноватые пятна. Такие же, как на подоконнике.

Я замерла, не зная, как реагировать. Но подумать об этом как следует мне не дали — за спиной у меня раздались три тяжелых удара.

Я вздрогнула, подавившись воздухом. Сдерживая кашель, пошла открывать дверь и приготовилась вести себя как обычно.

На пороге стоял Дин.

На нем была темно-серая, местами мокрая от пота и футболка. Подбородок и предплечья — в сухой пыли. Он тяжело дышал и смотрел прямо на меня прищурившись; яркий свет из окна бил ему в глаза.

Сжимал в руке резиновый молоток.

— Привет, — выдавила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе и потеряла локоть. Солнце приятно грело кожу.

— Привет, — ответил он и облизнул пересохшие губы. От него пахло свежим потом и цементом.

— Уже почти час дня. Ты благополучно проспала все утро. Я не стал будить. Думаю, пусть выспится. А теперь вот, — он почесал лоб большим пальцем свободной руки, — занялся делами по дому. В ванной отвалилась плитка, надо присобачить обратно.

Я лишь кивнула, не проронив ни слова. Голова пульсировала после вчерашнего.

— Ты же не собираешься снова спать?

— Нет. — Я потеряла глаза и щеки.

— Отлично. А то мне надо довести до конца дело. Люблю заканчивать дела, пока светло. — Он шмыгнул носом и сделал шаг назад. — Хочешь кофе? На столе тарелка с оладьями и пирог с вишней. Купил утром.

— Да, спасибо. Сейчас спущусь, — сказала я, крепко держась за дверной косяк и взглянула на него снизу вверх. Он был выше меня почти на голову. Меня нельзя было назвать низкой, мой рост составлял — 5'9. Но Дин, казалось, был все 6'3.

Он кивнул и скрылся в коридоре, уходя вниз.

«Что за кровавый след там у тебя, а?» — представила, что задала ему этот вопрос. Уже во второй раз про кровь. Уверена, он бы просто назвал меня сумасшедшей и послал куда подальше.

Я бросила последний взгляд на красное пятно — и меня осенило, будто током прошибло: вино! Ну конечно! Как я сразу не догадалась?

По лицу расплзлась глуповатая улыбка. Нашлось объяснение: Дин мог пить тут вино и пролить. Или его какая-нибудь пассия. Он наверняка водил сюда кого-то. Дин был очень привлекательным мужчиной.

Я вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Потом уверенно направилась навстречу дню и всему, что он для меня уготовил.

Дин сидел на табурете и бил резиновым молотом по плитке. Нежно и аккуратно, чтобы не создать трещин. Предпле-

чья и пальцы в цементе. Я невольно посмотрела ниже его крепко сложенной спины. Его зад, облаченный в узкие джинсы, выглядел так, словно он только и занимался тем, что приседал с грузом. Я не могла избавиться от мысли, что вид сзади напоминал мне персик.

— Что? Интересуешься ремонтными работами? — на выдохе спросил он, по-видимому, заметив, что я пялилась на него.

Я мигом выпустила губу из плена зубов и отвела глаза.

— Да нет, просто было интересно, сломаеть ты в итоге эту плитку или нет своим молотом Тора, — я развернулась на пятках и направилась на кухню. Ванная находилась вблизи кухни, поэтому я могла разговаривать с ним оттуда.

Налила кофе в оставленную им кружку. Бросила три кубика сахара. Ложка раздражающе зазвенела о стенки, когда я стала мешать.

— Если все делать аккуратно и знать свое дело, то проблем не будет, — донеслось из-за стены, под аккомпанемент пары ударов. Я не видела его, но хорошо слышала. Даже скрип табурета, стонущий под его немалым весом. — Запомни это, Райли.

Мне безумно нравилось, когда он произносил мое имя. Нравилось, как он это говорил: без пошлости, без излишнего флирта, без сексуальности. Я всегда с упованием мечтала, чтобы представитель мужского пола отнесся ко мне с достоинством, не видя во мне просто дырку, куда можно засу-

нуть свой член. Такой был Дин. Он еще ни разу не отпустил комплимента по поводу моего тела. Одинойды только сказал, что волосы у меня прямо как из рекламы. И чтобы я не смела их отрезать.

— Я запомню, — отозвалась я. Отпила из чашки и закинула в рот мягкое оладье. Дин готовил как бог. Все, что делалось его руками — непременно было вкусным, так что недолго и лишний вес набрать. На интерес я попробовала пирог и объективно вынесла вердикт — оладьи Дина были намного вкуснее!

— Чем хочешь сегодня заняться? — в дверях появился Дин, вытирая руки лоскутом — куском пододеяльника, как мне показалось. Он подошел вплотную сзади, и его тело на миг прижалось ко мне, пока он протискивался к раковине.

Я почувствовала пятой точкой грубую ширинку на его джинсах, и по ногам сразу прошел разряд, рассыпавшись в паху миллионами искр.

— Извини, мне нужно помыть руки. В ванной нельзя пока, там стынет цемент. Да и бардак ужасный. Открой кран, пожалуйста.

Дин ждал и держал грязные руки поднятыми.

Поставив кружку на стол, я сделала то, о чем он попросил. Затылком чувствовала дыхание; волоски на затылке встали дыбом.

Я выпрямилась. Дин стоял и смотрел на меня в упор. На губах — призрак улыбки.

— Ага, спасибо, — сказал он, затем сунул руки под теплый напор воды и начал смывать серую гадость с рук.

Я смотрела, как завороченная, на вращающуюся воронку в центре раковины. Вот бы можно было так же смыть с себя травмы и пороки, а слив просто унес бы все это с собой в канализацию.

Пока Дин возился у раковины, я невольно заострила взгляд на его заднице. Не потому что она была настолько аппетитна (но и этого нельзя было отрицать), а потому что утонула в недрах своего сознания, ничего перед собой не видя и не имея возможности выбраться. Лазейкой стал — низкий голос Дина.

— Чувствую себя дамочкой легкого поведения в местном баре, — бросил через плечо Дин. До меня не сразу дошел смысл его слов, но когда поняла — чуть не умерла от стыда. Стыд обжег меня изнутри.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, я стояла в высокой траве. Кузнечики играли в догонялки у моих ног, прыгая и рассекая разгоряченный воздух, пахнущий сегодня овсом и чем-то маринованным.

Я рассматривала амбар в отдалении: жгучее солнце слепило глаза, высокая трава ласкала щиколотки. Сделала несколько шагов вперед, чтобы рассмотреть получше, стоит ли замок на дверях или нет. И увидела — стоит.

Я обернулась в поисках Дина. Высмотрела собачью будку и саму собаку — она нюхала землю и вылизывала остатки

еды из железной миски.

Никого не было. Чисто.

Меня переполняло любопытство, и я решилась пойти к амбару. Нельзя было допустить, чтобы Тэлута меня заметила. Дин бы обязательно пришел бы на зов своего питомца. Страх останавливал меня, тянул обратно в дом незримыми нитями, но я все равно не сдалась и двинулась вперед. Около ржавого грузовика я снова оглянулась и подбежала к двустворчатым дверям.

Рука сама потянулась к железной ручке в форме кольца. Я дернула массивную створку на себя. Цепь ответила громким, издевательским звяканьем, заставив сердце сжаться в ледяной ком.

Я снова обернулась, проклиная предателя — шум. Ветер шумел в ушах, передние пряди волос, выбившиеся из низкого хвоста, танцевали перед глазами.

Громкое стрекотание кузнечиков мешало настроить слух на частоту: «приближающиеся шаги». Мне нужно было быть начеку. Если Дин найдет меня здесь, это будет больше, чем любопытство. Это будет вторжением. Последуют вопросы. «Что тебе могло понадобиться в старом, запертом амбаре?» — спросит он, а ответа у меня не будет. И что тогда?

«А вдруг тот маньяк — это Дин?» — снова вспыхнула старая мысль — холодная, пугающая и отвратительная. Я не верила в это, но ведь каждый убийца был чьим-то сыном, мужем и соседом.

Я прижалась виском к шершавой, горячей древесине и заглянула внутрь через узенькую щель.

В полосе света различались стога сена, вдоль стены — сложенные друг на друга стулья и темные пустые ящики. Дальше — стойла, за которыми стояли две лошади: одна белая, другая черная. Они тихо фыркали, били копытами, будто чувствовали мое присутствие.

Ух ты, у него и вправду есть лошади, с восторгом подумала я, ловя себя на том, что улыбаюсь как ребенок.

На земле что-то лежало: шерстяное, рыжее. Толстенный плед. У дальней стены. Я пригляделась получше — и улыбка вмиг покинула мое лицо; пыльцы на ногах сжались от удивленного.

Это был не плед.

Там лежала мертвая собака.

Я резко выпрямилась до боли в пояснице и поморщилась. Зашагала прочь, как вдруг врезалась во что-то твердое лицом.

— И что ты здесь забыла?

Сердце на секунду забыло, как биться.

Дин развернул меня к себе лицом, впиваясь большими пальцами в ключицы. На голове у него — та самая шляпа, в которой он был, когда мы заглохли на дороге.

— Я хотела...

— Что хотела? Хотела убедиться, что я не прячу там сотни трупов?

Я ничего не сказала. Не знала, что сказать.

Он покачал головой и отошел. Достал из кармана связку ключей, нашел нужный — золотистый, потускневший — и вставил в замок. Тот щелкнул и упал, увлекая за собой заржавевшие от влаги цепи. Дин потянул на себя тяжелые двери, и внутрь хлынуло море солнечного света

Я зажмурилась, когда в нос ударил отвратительный запах мертвечины, и инстинктивно обхватила себя за локти, будто от внезапного холода. Зашагала неуверенно за Дином, но почти сразу же остановилась. Идти дальше не было желания — мертвая собака воняла так, будто копченую рыбу извляли в навозе и оставили томиться на солнцепеке.

— Ты искала что-то жуткое? — Дин ухмыльнулся и двинулся к трупку бедного пса. — Так вот, тебе это удалось найти.

Он подтолкнул носком сапога бездыханное тело бедняги, и меня затошнило. Я резко развернулась, стараясь не думать о мухах, летающих у его глаз.

— Бедняга, кажись, помер от болезни.

Не это я рассчитывала обнаружить, но даже это было лучше, чем мои ужасные предположения о Дине.

Я уже собралась поспешно уйти, проклиная себя за любопытство, как взгляд мой зацепился за что-то в дальнем углу. Под бочкой. Там лежала пара женских туфель: черные, в пыли, на высоком, изящном каблуке. На вид — совсем не старые.

Я обернулась на Дина. Он смотрел на меня — пристально, морща мокрый лоб от вони и стараясь дышать ртом. Руки — сложены на узкой талии, глаза оценивающе бегали вдоль моего тела.

— Можешь забрать их, если они тебе так нравятся. — Дин ухмыльнулся своей же шутке.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы выдавить в ответ что-то колкое:

— Твои? Размерчик маловат для тебя.

Ничего лучше я не смогла придумать.

Я вышла из амбара, наконец вдохнув свежего воздуха. Уходила не оглядываясь, но в памяти навязчиво всплывали эти туфли. Подкладка со стороны пятки была испачкана — коричневое, застоявшееся пятно. Я точно знала, как выглядит застарелая кровь. Но тут же включился механизм и мозг стал придумывать более безопасные варианты: кровь могла пойти от натертой мозоли, к примеру.

Кто был владелец этой пары обуви?

— Ты хотела посмотреть лошадей! — прокричал Дин из глубины амбара, а затем послышался тихий, нежный лепет, словно он сюсюкался с детьми. Его лошади и были его детьми. Я слышала, что если прикипел к питомцу — это уже на всю жизнь.

— Да! — бросила я через плечо. — В другой раз. Очень жарко сегодня! Хочется немного прилечь.

— Как скажешь! — пропел он. И пробыл в амбаре после

моего ухода еще около часа. Разбирался с трупом собаки, никак иначе. И ухаживал за своими лошадьми. Он часто уходил рано утром куда-то и возвращался через часа два. Теперь ясно, зачем.

ГЛАВА 7

— Ну, и как тебе? — Дин ждал моего вердикта.

Он сидел напротив, неторопливо потягивая пиво. Между нами потрескивал небольшой костер, а ветер шелестел в кро-
нах деревьев над головой. Под крышей веранды горели маленькие прожекторы, и их желтое свечение мягко окрашивало землю, смешиваясь с оранжевыми отсветами пламени.

Мы приятно проводили время во дворе, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца. Утром Дин наконец предложил мне прокатиться на лошадях, закончив чистить стойла. Посадил меня на красавицу по кличке Охинджила и сказал, что мы подружимся. Ее имя на языке лакота означает: «неистовая», «бурная», «неудержимая». Дин был, как обычно, прав — она действительно оказалась благосклонна ко мне: приняла сразу и даже не пыталась сбросить седока.

И никакая она не неистовая.

А могучего черного коня, чьи ноги напоминали стволы молодых деревьев, звали Мато, что на языке многих индейских народов означает «медведь».

Ощущения были непередаваемые. Гладкая шерсть под ладонью, тепло кожи, приятное слуху фыркание и мелодичный перезвон поводьев. А еще, что доставляло мне не меньшее удовольствие — пристальное внимание Дина. Его зоркий

взгляд, ловивший каждое мое движение, чтобы я не оступилась, не упала. Ощущение его сильных рук на талии, когда он меня спускал.

— Это просто невероятно! — Я смотрела на деревянную рамку в своих руках, где на небольшом полотне была вышита нитками прекрасная картина: черная лошадь паслась на лугу цвета сливочного мороженого. Дин использовал нитки приятного молочного оттенка. — Суровый парень, всю жизнь зарабатываешь тяжелым трудом, добиваешься всего потом и кровью... и ты вышиваешь? С ума сойти. Ты умеешь удивить!

— Не такой уж и суровый, — хохотнув Дин, поправляя на затылке ковбойскую шляпу.

Я правда была удивлена. Приятно удивлена. Никогда бы не подумала, что Дин способен на такое кропотливое искусство. Картина была аккуратной до невозможности — ниточка к ниточке. И нитки были какие-то особенные, с шелковистым блеском. Я прежде таких не видела.

Мы были сокрыты от чужих глаз. Сидели на белых, деревянных стульях, что Дин притащил из сарая, сказав, что в них не было нужды, вот и пылились. Теперь нужда появилась — у него был гость. Впервые за долгое время. С родственниками он не общался, а своих немногочисленных друзей называл просто собутыльниками.

— А ты? Чем-то занимаешься? — спросил Дин и выудил из ведра с ледяной водой еще одну бутылку пива, протягивая

мне.

Я осторожно отложила его творение в сторону.

Ко мне подбежала Тэлута — «кроваво-красная» на языке лакота, как объяснил мне Дин. Я часто спрашивала у него перевод того или иного слова, а он с нескрываемым удовольствием отвечал. Это уже превратилось в нашу собственную игру.

Тэлута — это черная сука ротвейлера, которую я дико боялась и лучшая подруга Дина. Сегодня она не была на цепи и свободно разгуливала по двору, гоняясь за пчелами и прочими насекомыми, прячущимися в густой траве.

Я рефлекторно подняла ногу на стул. Дин, заметив это, коротко и строго велел собаке подойти к нему. Та безропотно повиновалась.

Я любила животных, но эта собака внушала настоящий страх. Одного глаза у нее не было. Дин сказал, что Тэлута потеряла его в драке несколько месяцев назад.

— Я пишу стихи иногда. Сочиняю, — вернувшись к теме, проговорила

я. Уперла горлышко бутылки о край толстого бревна, как он меня учил, и подняла на него глаза в предвкушении маленького чуда.

Он кивнул, наблюдая за мной взглядом, каким смотрят на ребенка, делающего первые, но уверенные успехи в школе.

Я ударила ладонью по крышке, и та слетела с тихим шипением. Тэлуты рядом уже не было, можно было не бояться,

что резкий звук спровоцирует ее, и она накинется на меня.

— Успех, успех! — Дин рассмеялся и потянулся ко мне через край костра, чтобы чокнуться бутылками. В свете пляшущего пламени его лицо, рассеченное длинным шрамом, напоминало лицо древнегреческого воина, участвовавшего в ожесточенных боях насмерть.

— Да. Спасибо, что научил. — Я сделала глоток холодного, горьковатого напитка и откинула назад длинную прядь волос, лежащую на плече. — Это поистине полезное умение. Не всегда можно отыскать открывалку, а пить хочется часто.

— Часто? — Дин прищурился, когда я пригладила свои угольно-черные волосы. — Много пьешь?

— Ну, скажем так, иногда приходится чаще, чем хотелось бы, — я толкнула носком красно-белых «конверсов» полено, торчащее из костра. Искры взметнулись вверх, и огонь вспыхнул ярче.

Не знала, имело ли это значение, но сегодня я покрасилась, и Дин стал примечать каждую деталь чаще обычного. Благодаря своим расстройством я научилась безошибочно различать, по какой причине на меня смотрят. Дин смотрел оценивающе, словно что-то хотел спросить. Его взгляд скользил по моему лицу, будто стремился запомнить каждую морщинку.

— Кажется, у нас здесь завелась врунишка!

Дин устроился поудобнее и поднял с земли старую гитару. Уложил ее на колени, коснулся пальцами струн. Летний ве-

тер и треск костра создавали полное ощущение летнего лагеря. Не хватало только жареного зефира, который я на дух не переносила.

— Почему это? В чем я соврала?

«Кроме того, что не рассказала тебе и половины того, что из себя представляю. О семье, о моем прошлом...» — произошло у меня в голове, пока я ждала его ответа.

— Что ты пьешь крайне редко и только для расслабления.

Дин на мгновение поднял на меня глаза. А потом из-под его пальцев полилась тихая, гармоничная мелодия. Он играл негромко, чтобы не перебивать меня.

Я покачала головой, принимая очевидное.

— Ладно. — Я смущенно подняла руки и отвела взгляд: на сосновых вырубках, прибитых к стене сарая, сушились несколько пар ковбойских сапог, надетые на них сверху. — Я пью чаще, чем хотелось бы. И не только чтобы расслабиться. Пыталась бросить, когда начала принимать препараты от тревожности.

Я посмотрела на него. Он кивнул, продолжая негромко перебирать струны.

— Голубенькие таблетки, — с улыбкой сказал он.

Я нахмурилась — откуда он знает? Уже видел?

В траве назойливо трещали цикады, где-то неподалеку, у пруда, перекликались лягушки. А чуть позже я услышала глухое, короткое ржание лошади — Мато звал свою подругу. Это был живой, восхитительный звук.

— Я заметил пластинку на столе, — пояснил он. — Прочитал название и понял, что это точно не мое. — Он поставил гитару около стула и достал из кармана пачку сигарет. — А значит, они или твои, или твоих... друзей. Скорее твои, как мне показалось. Что мы и выяснили, — заключил он, затянулся и откинулся на спинку стула. Выпустил струйку дыма во все еще теплый воздух.

Несколькими часами ранее он извинялся, что вечно курит мои сигареты, и даже в шутку предлагал за них деньги. Говорил, нигде не может найти такие же — обыскал все табачные лавки в округе. Я попросила его не беспокоиться об этом и брать, когда надо.

— Ты наблюдательный, — я усмехнулась и указала на гитару. Мне отчаянно хотелось свернуть тему моих расстройств, уйти от этого разговора. — Не споешь мне? Что-нибудь классное. Теперь мне известно, что у тебя шикарный голос, и отвертеться не получится. Так что давай.

Отпила из бутылки, чувствуя холодную горчинку на языке.

Дин провел ладонью по щетине и неохотно взялся за гитару. Запрокинул голову, взглянув на звездное небо и начал мягко водить по струнам — звучала гитара сипло, словно простудилась, — а затем все увереннее. И громко запел про девушку по имени Райли, что звучит почти как «гонки ралли», про длинные ее волосы как у Рапунцель, и про глаза цвета дорожной пыли в бескрайних прериях Техаса.

Я надорвала живот, смеясь над этими нелепыми, но удивительно милыми сравнениями. А он с тихим наслаждением наблюдал за мной и улыбался той самой улыбкой, какой обычно смотрят на тех, кто тебе стал небезразличен. Позже признался мне, что ему нравится мой смех. Назвал его красивым, заразительным.

Вечер был прекрасен. Почти идеален. Здесь, в Карсон-Сити, я словно заново училась дышать полной грудью. В этом отдаленном от городского шума доме, под одной крышей с этим молчаливым, но добродушным парнем, в моей душе наступила долгожданная оттепель. Сквозь внутренние, накопленные тучи пробился первый, робкий свет.

Дин Хардинг — парень из глубинки, который готовил самые вкусные блюда по рецептам из интернета, сделал мою жизнь чуточку светлее, счастливее.

Мне все меньше и меньше хотелось уезжать. Мне здесь нравилось. А вдруг здесь, в этом самом доме, на самой окраине Лахонтана, где обрывается асфальт и начинается тишина, — мое настоящее место?

Эти мысли совсем не пугали меня.

— Знаешь, а здесь не так плохо, как я думала. Всегда считала, что в подобных местах до ужаса скучно, а люди — очень злые и набожные, — проговорила я, стоя на пороге дома.

Я ввалилась внутрь, вытерев ноги о потрепанный махровый коврик.

— Так и есть! — Дин рассмеялся и скривился, словно я заявила, что из коровьего навоза можно сварить неплохое варенье. — Но если нашел свое счастье, а оно у каждого свое, то не так важно, в городе ты или в глуши. Ты так не считаешь?

Я уже собралась ответить, но вдруг споткнулась о забытую в спешке швабру — сегодня Дин весь день убирался. Мы устроили генеральную уборку и забыли убрать чертову швабру на место.

Я потеряла равновесие. Дин молниеносно ухватил меня за талию, не давая рухнуть на старый трельяж с зеркалом в прихожей.

— Да, думаю, ты прав, — я положила ладони ему на грудь. Под пальцами я чувствовала ровное, спокойное биение его сердца. Дин совсем не нервничал.

Интересно, когда у него в последний раз была девушка? Я об этом даже не думала, не спросила. А вдруг я строю воздушные замки, когда его сердце занято?

И решила спросить его об этом. Нагло, без слов.

— Что? — Дин прищурился, его взгляд стал пристальнее. Его сильные руки скользнули чуть выше, к ребрам, и это прикосновение обожгло сквозь ткань. Я вся покрылась мурашками, в голове пронеслись грезы о том, чтобы он избавил меня от этой тесной, слегка влажной от вечерней жары футболки.

Я закусила губу и положила ладонь ему на затылок, запус-

кая пальцы в жесткие волосы. Дин не сопротивлялся, не отстранился. Я восприняла это как молчаливое позволение и, набравшись смелости, притянула его к себе, коснувшись его чуть приоткрытых губ своими. И замерла в поцелуе — трепетном, отрывистом, полном вопроса.

Дин опустил глаза. И ответил — лишь разок, коротко и неуверенно. Он колебался, это читалось в каждом напряженном движении.

Я нежно поцеловала его в подбородок, а затем мои губы скользнули по широкому, чуть бугристому шраму.

Дин издал сдавленный, глухой стон и сглотнул — в горле дернулся кадык.

Внизу живота все сжалось в тугую, горячий комок желания. Я прижалась к нему всем телом, заставляя посмотреть на меня, наклониться, сдаться. Возбуждение растекалось по венам, заполняя каждую клетку. Я хотела его. Прямо сейчас. Всего, без остатка.

— Райли...

Дин положил широкую ладонь мне на плечо и сжал — не больно, но твердо.

На мгновение мне показалось, что сейчас он набросится на меня, с диким жаром прижмет к стене, увешанной трофейными оленьими рогами. Но вместо этого он медленно, почти нежно, отвел мою руку. В его глазах не было отвращения — только глубокое, непонятное мне сожаление.

— Что? Что не так? — я все еще чувствовала на губах

вкус его кожи, пива и табака, и от этого было невыносимо трудно отказаться. — У тебя кто-то есть? Или я... я не...

Дин печально улыбнулся. Взял мои руки в свои.

— Нет, дело не в этом. У меня никого нет, — твердо сказал он и погладил большими пальцами мои ладони. Эти прикосновения было одновременно пыткой и наслаждением. Я старалась не смотреть на наши сплетенные руки. Потому что до ужаса хотела, чтобы эти руки блуждали по моему телу.

— Просто ты сейчас немного пьяна, и мне бы не хотелось... — Он не договорил.

Его глаза, обычно такие уверенные, беспокойно забегали, ища точку опоры где-то позади меня — в темноте прихожей.

— Нет, нет, — я снова обхватила его голову ладонями, колючая щетина впилась в пальцы. — Дин, я ничего плохого не подумаю.

Не подумаю, что ты мной воспользовался. Все нормально, правда! Я сама этого хочу.

Дин снова, уже более решительно убрал мои руки.

— И все же...

Он отступил на шаг. Его руки мягко, почти по-отечески, погладили меня по плечам, спустились до локтей, а затем он обошел меня и направился к лестнице.

— Сейчас не время. Не сейчас.

— Но мы не встречаемся, Дин! — я обернулась и отчаянно бросила ему вдогонку. — Что изменится, если мы просто займемся любовью? Это всего лишь секс!

В моей жизни, может, так оно и было. Только потом, оставшись одна, я с ужасом подумала, как это было по-свински — пытаться ломать чьи-то принципы, навязывая свои правила. Я была девушкой, которую было легко получить. Которая делала все, лишь бы убежать от реальности, заглушить внутреннюю боль. Хотя бы на время. А Дин, кажется, видел во мне что-то другое. Что-то настоящее, стоящее большей осторожности.

Дин остановился на первой ступеньке и оглянулся на меня через плечо. Взгляд его был строгим, почти каменным. Рот чуть приоткрылся, будто он хотел что-то сказать, но слова застряли. На его резко очерченных скулах вздулись и заиграли желваки. Он с трудом, через силу выдавил кривую полуулыбку и, не сказав больше ни слова, поднялся на второй этаж. Даже не принял душ, хотя собирался.

— Спокойной ночи, Райли. Иди спать, — донеслось сверху, и дверь в его комнату тихо захлопнулась.

Душу сковали леденящие сомнения и стыд. Зря я так. Просто я привыкла, что в этом мире нет ничего плохого в том, чтобы поддаться сиюминутному порыву, отдаться тому, к кому тебя физически тянет. Может, я ему совсем не нравлюсь? Но как объяснить все эти долгие взгляды, эти редкие, но такие теплые улыбки?

Я совсем разучилась понимать, что такое настоящая близость — со всеми ее правилами, условностями, бережностью. Мне это стало чуждо. Возможно, я показалась ему

слишком доступной, и он разочаровался.

Чтобы заглушить неприятные мысли, я налила себе на кухне большую кружку зеленого чая и вышла с ней на веранду. Прохаживалась вдоль темных окон, делая маленькие глотки обжигающей жидкости и думая о Дине. Цикады отбивали свою монотонную, гипнотическую дробь, нарушая безмолвие ночи. Над головой — бесчисленная россыпь мелких, холодных звезд. Где-то в стороне амбара, в темноте, совы перекликались томным уханьем.

«Амбар. Женские туфли на высоком каблуке. В пыли.»

Мне до боли захотелось увидеть их снова. Но амбар наверняка заперт. Я продолжила идти по скрипучим доскам веранды, чувствуя, как внутри вновь поднимается волна тревоги. Спустившись на холодную землю, я замерла перед дверью сарая. Желание заглянуть внутрь боролось со страхом: если Дин застанет меня здесь после всего случившегося, он окончательно выйдет из себя. И тогда я потеряю немногие остатки его доверия.

Я тихо позвала собаку. Никакой реакции. Тишина. Ее не было в будке. Наверное, гуляла где-то. Я надеялась успеть вернуться в дом, прежде чем Тэлута меня заметит и поднимет шум.

Поставив кружку на ближайшее бревно, я подошла к двери. И, затаив дыхание, начала открывать ее — медленно, миллиметр за миллиметром. Скрипа не было. Я вошла внутрь — в полную, густую темноту, пахнущую старым де-

ревом, маслом и землей. Подперла дверь куском бетонного блока, чтобы лунный свет и свет уличных фонарей проникали внутрь.

Включать свет в самом сарае было бы самоубийством.

Я сама не знала, что там хотела найти.

Пока глаза привыкали к полумраку, я осмотрелась. Справа тянулась полка с банками краски и инструментами. В дальнем углу темнели лопаты и грабли. Одна из них была вся в засохшей грязи.

Уже собираясь уйти с чувством стыда за то, что снова пыталась найти ужасные доказательства, как увидела то, что увидеть никак не ожидала.

Черные туфли. Те самые.

Они небрежно, почти презрительно были брошены в угол.

«Зачем он перенес их сюда?»

Из непроглядной тьмы, позади полок, донеслось протяжное, угрожающее шипение. Я затаила дыхание и замерла в абсолютном ужасе. Кровь стучала в висках. На уровне моих глаз вспыхнули два ярких желтых огонька. Сердце сильно забилося и рвалось наружу.

С глухим металлическим грохотом на землю упало что-то металлическое — ведро или банка. А потом между ног, коснувшись штанины, стрелой пронеслось что-то очень быстрое. Кошка...

Она ракетой выскочила в приоткрытую дверь и растворилась в ночи.

Я выдохнула, прислонившись лбом к холодной стене. Дрожь мелкими волнами пробежала по телу.

Ночь за дверью казалась теперь еще чернее, еще гуще. Звуки природы снаружи притихли, будто прислушиваясь. Воздух в сарае стал тяжелым и очень спертым. Мне отчаянно хотелось скорее уйти отсюда и пробраться в свою комнату.

Я вышла, заперла сарай на щеколду, но тут же отперла снова. Дверь изначально не была заперта. Ничего нельзя менять.

Схватив оставленную на бревне чашку с почти остывшим чаем, я поднялась на веранду. Выплеснула остатки в кусты под перилами. И уже дошла до двери, как заметила среди глиняных орлов что-то серо-красное. С первого взгляда было похоже на детскую плюшевую игрушку.

Я присела на корточки и пригляделась, щурясь в полумраке. И когда мозг наконец сложил картинку воедино — я вскочила и попятилась, задев плечом кашпо, висящее под крышей. Миллионы ледяных мурашек пробежали по коже от затылка до пят.

Это был окоченевший труп кошки. А то красное, что я приняла за уши игрушечного зайца — оказалось ее внутренностями.

На ватных ногах я ворвалась в дом. С такой силой толкнула стеклянную дверь, что та задрожала, чуть не слетев с петель. Стрекот цикад за спиной внезапно стал громче, злое, нагоняя меня.

В гостиной я без сил рухнула на диван, все еще не совсем трезвая после трех бутылок пива. Теперь же к опьянению добавился леденящий, тошнотворный страх. Живот скрутило от спазма, во рту пересохло. Дрожащими пальцами я вытащила из-под подушки пульт и включила телевизор, отчаянно нуждаясь в любом фоновом шуме, в любом отвлечении. Но как только экран вспыхнул, на нем возникла взволнованная женщина с микрофоном. Позади нее — большое дерево и мозаичный фасад здания полицейского участка в Карсон-Сити. Мой взгляд судорожно выхватил бегущую строку внизу, и буквы впились в сознание, как раскаленные иглы: **«Уже пятое убийство в Карсон-Сити. Последние два отличаются от остальных. Один ли орудует убийца? Или у него есть сообщники? Полиция пока не дает комментариев».**

Сердце заколотилось в горле. Сильно, как загнанная птица, бьющаяся о железные прутья клетки. Чистый, животный страх отравлял каждую мысль, каждый уголок сознания. Воздух в комнате вдруг показался ледяным. Каждый шорох за окном, каждый скрип дерева теперь заставлял думать лишь об одном — об убийце: Как он выглядит? Он расправился с этой кошкой? Он где-то там?...

Я выключила телевизор непослушными пальцами, и комната погрузилась в гулкую тишину, нарушаемую лишь моим тяжелым дыханием. Поднялась и пошла проверить входную дверь. Было страшно прикоснуться к ней — словно могла

ударить током.

Потянула на себя. Закрыто.

Потом еще раз. На всякий случай.

Мысли путались, налетали друг на друга, сталкивались и рассыпались. Паника, хорошо мне знакомая, но оттого не менее ужасная, поднималась по пищеводу. Мне срочно нужны были мои таблетки. Без них реальность начинала становиться нереальной — словно смотришь на мир через грязное стекло.

Шатаясь, я побрела на кухню. Там таблеток не оказалось. Заглянула в шкафчики, судорожно открывая их. Потом в вазу с конфетами — тоже пусто.

Ринулась вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Старалась не шуметь. Дин уже спал. Будить его, просить о помощи сейчас... это было невыносимо.

Я ворвалась в свою комнату, нащупала на стене выключатель — и яркий свет люстры ударил в глаза, ослепив на секунду.

Стала лихорадочно рыться в каждом ящике комода, сбрасывая на пол носки, белье. Никаких нейролептиков. Никаких сильных препаратов от тревоги. Они исчезли. А я ведь закупила их на полгода вперед! Без них я была никем. Просто куском мяса с ногами и руками. Без этих таблеток я не могла вести нормальную жизнь.

Я размахнулась, швырнула чемодан в стену и рухнула на кровать.

Мне нужна была помощь.

ГЛАВА 8

Запах кофе манил. Я тихо спустилась вниз и сразу прощмыгнула в ванную. Мне пока не хотелось встречаться с Дин-ном. Он, должно быть, ненавидел меня после вчерашнего. Считал дешевой городской девкой — неразумной, без совести.

Я сбросила одежду, пропахшую костровым дымом в корзину для белья и наспех искупалась. Почистила зубы прямо стоя в ванне. Помыла волосы и вышла чистой, благоухающий. Хотя бы снаружи...

В голове прочно засел образ выпотрошенной кошки. Нужно было срочно рассказать об этом Дину.

Когда я появилась на кухне — приготовилась столкнуться со стальным, полным ненависти и презрения взглядом. Но Дин, увидев меня, лишь улыбнулся и поднял над головой дымящуюся крышку. На нем была белая футболка и светло-голубые джинсы с подвернутыми штанинами.

— Доброе утро, пьянчуга, — с кривобокой улыбкой сказал он, возвращаясь к завтраку. — Садись есть. Все готово.

Я хотела сразу завести разговор о мертвом животном, но его слова меня слишком смутили.

— Я не пьянчуга, — начала оправдываться, садясь за стол. — Как раз хотела объяснить. Я вчера...

— Да шучу я! — Дин фыркнул.

За окном весело щебетали птицы. Одну из них я могла видеть на расстоянии вытянутой руки — она сидела на подоконнике, прямо за стеклом. Ее туманно-серые перья поблескивали на солнце. День выдался удушающе жарким.

Когда я привстала, чтобы поудобнее сесть, Дин, напротив, встал. Сначала я подумала, что он не хочет меня видеть, оставить одну, но потом поняла — он просто пошел за кружкой для меня.

Поставил ее на стол и налил чаю. Не кофе, хотя точно знал, что я предпочитаю пить по утрам. Я нахмурилась и подняла на него глаза с немим вопросом. Он встретил мой взгляд и замер с заварочным чайником в руках. Перестал наливать.

— Ой, прости, ты хотела кофе? — спросил Дин, все еще держа посуду над темно-красной кружкой. Из носика чайнику перестала литься темно-бурая жидкость.

— Нет, все нормально, — я поджала губы в нейтральной улыбке. — Продолжай.

Дин хмыкнул, наполнил кружку до середины, а потом разбавил черную заварку кипятком. Не спросил, сколько положить сахара, поэтому я сделала это сама.

Я решила ненадолго отложить тревожный разговор, он никуда не денется. Дин явно был сегодня не в настроении, а после того, что я собиралась ему рассказать — у него и вовсе могла бы появиться на меня аллергия. Я только и делала по-

следнее время, что привносила в его жизнь смуту. Поэтому сначала решила поговорить о другой, но немаловажной для меня теме:

— Знаешь, вчера ночью я долго думала, — начала я,правляя мокрые волосы, завязанные в низкий хвост, — и пришла к выводу, что поступила очень неправильно.

Я поднесла кружку к губам и сделала неуверенный глоток обжигающего чая. Пить чай в такую жару — мазохизм, но я не могла отказаться — привычка.

Дин жевал и смотрел на меня в упор. В его взгляде не было осуждения, но и радости тоже не было.

— Мне жаль. Не стоило мне целовать тебя, не спросив заранее, нет ли у тебя кого-то.

— Дело не в этом, — Дин откусил кусок от сэндвича с курицей, оставив на хлебе отпечаток зубов. Тарелку с оставшимся сэндвичем он пододвинул ко мне мизинцем. — Дело не в поцелуе, Райли. И не в том, что ты напилась. И точно ни в том, что ты поддалась чувствам. Нет, конечно, нет.

Он снова вонзился зубами в хлеб и продолжил:

— Больше всего меня расстраивает то, что ты сказала после. О том, что это просто секс. И что к этому нужно относиться легче.

Я промолчала.

Его взгляд примагнитился к кулону на моей груди — серебряное сердце с розовым обрамлением. Внутри, если открыть, — фотография мамы. Чтобы она всегда была рядом.

Отец, когда узнал об этом, всячески пытался заставить меня его снять. Говорил, что это идиотская идея и чтить память матери надо иначе. Кто бы говорил! Он осуждал меня, твердил моей тете — своей сестре, — что его жена умерла из-за меня. Якобы я вечно доводила маму и не слушалась. И она убила себя, не выдержав. И знаете что? Тетя действительно стала осуждать меня.

Она поверила ему.

Это было больно...

Но теперь мне плевать. Люди всегда будут осуждать вас, что бы вы ни сделали: блондинка — тупая и доступная, рыжая — ведьма, полная — чревоугодница, честная — грубиянка, и так далее по списку. Забейте. Просто будьте собой. Живите по совести. Если правда на вашей стороне — вы уже победили.

— Да, за это мне жаль больше всего, — выдохнула я, наконец отправляя первую за день пищу в желудок.

Он кивнул, продолжая жевать.

— Это правда? — Дин пристально взглянул на меня. Я чувствовала себя провинившимся ребенком, боящимся, что ему дадут люлей. — Ты это говоришь, потому что действительно сожалеешь, или просто хочешь закрыть тему?

Я задумчиво посмотрела на него.

— Это... правда.

— Правда — что?

Тон Дина был вполне спокоен, но почему тогда мое тело

реагировало по-другому?

— Действительно сожалею, — ответила я.

Дин понимающе кивнул и отвел от меня взгляд своих зеленых глаз. Выдернул салфетку из металлической коробочки и вытер жирные пальцы. Быстро допил свой кофе.

— Хорошо, — Дин положил свою теплую ладонь на мою. Встал из-за стола и ушел, убирая руку.

Пространство после него пропахло свежестью и сладковато-древесным парфюмом. Чем-то вроде перезрелого персика, томящегося в кокосовом ликере.

— Хочешь, я возьму тебе чего-нибудь? — громко спросил Дин с улицы, засвистев. — Еду в магазин скоро.

Я слышала, как он что-то забрасывал в кузов своего пикапа. Не ответила. Размышляла, что мне могло бы понадобиться.

И подпрыгнула, когда прямо у моего лица раздался громкий стук в окно.

Дин улыбался за пыльным стеклом, полы шляпы защищали его глаза от солнца. На обветренных губах играла веселая ухмылка.

— Я выдвигаюсь уже сейчас, поэтому думай быстрее! Не забывай, телефона у тебя нет. Смс отправить не сможешь.

Его голос звучал немного глухо из-за разделяющего нас окна.

— Нет, спасибо.

Я встала, шурясь от ослепительных лучей солнца, прони-

кающих через стекло, и создавался эффект лупы, что делало жару еще более несносной.

— Ты... не видел сегодня утром кошку? — спросила я, выходя из дома. При мысли о том, что мертвое животное может до сих пор лежать где-то там, под перилами, меня слегка замутило. — Мертвую.

Дин взглянул на меня, закончив завязывать мешок с вонючими отходами в кузове пикапа. Запах напоминал смрад разлагающейся плоти.

— Да, видел, — заявил он. — Вот тут, да?

Он указал прямо на то место, где я видела труп.

— Да, — проговорила я и сглотнула. — Как думаешь, что это значит? Она была в ужасном состоянии. Голова и туловище как бы... — Я не смогла закончить.

— Что значит? — Дин ухмыльнулся — шрам на губе скрутился, и потер лоб, будто я сказала нечто невообразимо глупое. — А что должно значить? Да, бедняге не повезло. Когда на них нападают собаки или еще кто из хищных, они способны и не на такую жестокость, — объяснил он. — А к чему ты спрашиваешь?

Он точно знал, о чем я думаю.

— Просто хотела узнать, убрал ли ты ее, — проговорила я немного погодя, сочтя его версию вполне правдоподобной. Я вздохнула, а он продолжал смотреть на меня снизу вверх — я стояла чуть выше — и многозначительно улыбался.

— Убрал, — он кивнул на кузов. — Вон там лежит. Со

всем остальным мусором. Отвезу и выброшу.

Мне оставалось лишь успокоиться и проводить его. Но как только машина Дина скрылась из виду, я вдруг вспомнила, что у меня в сумке есть рецепт на нейролептики, которых у меня осталось всего пару штук. Но Дин уже уехал. Можно было попросить его заехать в ближайшую аптеку.

Черт.

В прихожей я сняла со стены домашний телефон. Но, чувствуя себя полной дурой, с досадой поняла, что не знаю его номера мобильного.

Прежде чем повесить трубку, я еще раз хорошенько прислушалась: тишина.

Потыкала кнопки. Снова тишина.

Я взглянула на трубку и увидела — провод был перерезан. Но ведь еще пару дней назад телефон точно работал. Я сама слышала, как Дин разговаривал с кем-то. Ладно, черт с ним.

Я допила все еще теплый чай на кухне и побежала за рубашкой и рецептом, спрятанным в скрытом кармашке чемодана, решив, что нужно попытаться поймать такси, если они вообще имеются в этом захолустье.

Спустилась по лестнице уже одетая и выпорхнула на улицу, смазывая губы гигиенической помадой со вкусом дыни. Горячий воздух обжигал легкие, а ветер не сулил облегчения — был слишком слабым.

Я волочила ноги по пыльной дороге, щурясь от солнца.

Направлялась к той самой ферме, где, по словам Дина, он иногда подрабатывал. Может, там кто-то согласился бы подвезти меня до города? Мне было дико страшно разговаривать с незнакомыми людьми, особенно после новостей. Но еще страшнее было остаться без лекарств, что укрощали демонов в моей голове.

— Здравствуйте! Эй? — запыхавшись, я подняла руку в знак приветствия.

Мужчина лет сорока оценивающе оглядел меня, ставя последний лоток яиц в багажник оранжевого «Ниссана». — Вы ведь едете в город?

Он явно мне не доверял. Как и я ему.

На нем были вельветовые коричневые джинсы и футболка с надписью «CALIFORNIA» на фоне заходящего, бархатного солнца и стада бизонов.

Калифорния? Seriously? Вселенная освоила черный юмор и теперь практиковалась на мне?

— Допустим, — голос мужчины не отличался благосклонностью. — А что? Кто вы?

— Я... приехала погостить к Дину Хардингу. Я его давняя подруга, — затараторила я, чтобы не объяснять долгую, идиллическую правду. — Он куда-то уехал. Его не будет несколько часов, кажется. А мне срочно нужно лекарство. Вот, рецепт даже есть! — Я принялась размахивать клочком бумаги в знойном воздухе западной Невады.

Мужчина смотрел на меня как на сумасшедшую. Его гу-

стые брови опустились так низко, что почти доставали до ресниц. Он погладил рыжеватую бороду с едва заметной проседью и разглядывал меня, очевидно решая: хорошая ли идея сажать к себе в машину запыхавшуюся незнакомку, взявшуюся бог знает откуда.

— Довезете до ближайшей аптеки? Обратно я доберусь сама. — Я внутренне взмолилась, чтобы он не отказал. Его глаза, как минимум, казались добрыми.

Мужчина обернулся на уголья с множеством загонов и двумя огромными амбарами, расположившиеся за его спиной. Я проследила за его взглядом и увидела сидящего на крыльце дома парня. Лет тридцать на вид. Волосы — чуть темнее русских. В рубашке без рукавов и черных брюках. Он гладил кошку, лежавшую у него на коленях, и еще несколько блаженно спали у его ног, где лежал прозрачный кувшин с чем-то красным внутри.

Солнце не давало хорошо рассмотреть кошатника, но, могу поклясться, смотрел он прямо на нас. Или... на меня.

Его загорелая рука застыла на спинке животного.

— Ладно, — привлек снова мое внимание рыжебородый. Он глубоко вздохнул и указал на машину, не глядя мне в глаза. На нас налетел порывистый ветер, и кепка, лишь слегка надетая на голову, чуть не слетела. Он придержал ее.

— Спасибо, спасибо, — обрадовалась я, обошла машину и села в адски горячее кожаное кресло, стараясь не прикасаться голой кожей к пластику и раскаленной обивке. — Вы

очень добры.

— Ага, прямо очень, — буркнул он и завел машину, его толстые пальцы легли на тонкий обод руля.

Я в последний раз отыскала взглядом странного мужчину на крыльце. И когда нашла — в животе зашевелилась тревога: он пристально пялился на меня, а глаза — точно глаза взбешенной козы, иначе не скажешь. Он резко привстал, кошки разбежались с мяуканьем, Вытянул шею, как лебедь, стараясь разглядеть меня, но не успел — шины зашуршали по земле, а я откинулась назад.

Что за адский поселок, подумала я. Кто этот парень? Может, местный чудака? Да кто угодно. Даже взять этого рыжебородого мужчину — и он вполне мог оказаться тем самым маньяком. И да, я хорошо понимала, что рискую. Но старалась не думать об этом. Куплю по-быстрому таблетки и вернусь домой, в безопасность. И стану ждать Дина, если он еще не вернулся.

Ехали мы медленно. В багажнике лежали продукты, которые этот мужчина вез на продажу: яйца, молоко, мясо. Последнее лежало в белом мини-холодильнике — я заметила его, когда только окликнула хозяина авто.

— Как вас зовут? — вытеснив из головы мысли о том странном парне, я обратилась к водителю.

В отдалении виднелись желто-болотные горы. Голубое небо было чистым, без единого облака. Ветер, проникающий через открытые окна, приятно остужал кожу и весь салон.

Теперь можно было не бояться ожога от раскаленной кожи сидений.

— Честер, — безучастно сказал он, слишком часто поглядывая в боковые зеркала, словно мы на оживленной трассе, а не на пустой дороге, где машины если и ездили, то всего парочку в день.

За все время, что я здесь, не видела ни одной проезжающей машины. Только машину Дина и «Мерседес» Феликса, который сейчас, скорее всего, гнил на свалке после того, как они слетели с обрыва.

До сих пор не верилось...

— Прямо как пиво. То, что с вишней, — сказала я, и мужчина бросил на меня такой взгляд, после которого захотелось выйти из машины прямо на ходу. Вечно сболтну чего-нибудь глупого.

— Да, а еще как город в Англии, — он надавил на газ, когда мы выехали на ровный асфальт. — Но я ни первое, ни второе. Я Честер МакГиликади.

Мужчина посмотрел на меня и расплылся в кривой улыбке, увидев мое озадаченное лицо.

До чего же странная фамилия.

— Что? Правда, я круче, чем все остальные Честеры, а? — он вывернул руль влево, и вскоре мы добрались до аптеки. Он заглушил мотор, выдернул ключ из замка зажигания, и салон мгновенно затих.

Как оказалось, до ближайшей аптеки было не так далеко.

Но пешком я бы ни за что не добралась.

— А вот и ваша аптека, — он склонил голову, убеждаясь, что это точно она. Затем посмотрел на меня. — Могу вас подождать, если что.

— Правда? — Я удивилась его внезапной доброте.

— Да, только закончу кое-какие дела вон там, — он небрежно махнул рукой в сторону соседней улицы. — А потом отвезу вас обратно. — Он понял, что это прозвучало странно, и поспешил все исправить: — Ну... вы к себе домой, а я к себе. На ферму.

Он поджал тонкие губы в смущенной улыбке.

Хороший мужчина, подумала я. Мне он понравился.

— Да, хорошо. Договорились, — я кивнула и выпрыгнула из машины. Старалась не слишком хлопать дверью — владельцы машин этого не любят — и забежала в аптеку. Внутри было так прохладно, что я готова была остаться здесь до конца лета. Лечь прямо на пол и не вставать.

В окошке показалось лицо девушки. На ней был белый халат с оранжевой кофтой под ним.

— Доброе утро, — я достала бумажку из кармана. — Дайте вот это, пожалуйста. — Положила со стуком на стойку рецепт. — Каждого по три упаковки.

Я нервно потерла бедра, ожидая, пока аптекарьша достанет мое спасение. Однако она долго что-то читала и не торопилась.

— Мисс, — обратилась ко мне девушка с коричневым

пучком на затылке. Ее голос звучал, как щебетание воробья. — Простите, но у вас вот... — она наклонилась и ткнула пальцем без маникюра в угол листка. Я прищурилась и тоже наклонилась, чтобы разглядеть, придерживая волосы. Ничего не понимая, я взглянула на нее, и она пояснила: — Дата проставлена задним числом.

— И... что это значит?

— У рецепта истек срок действия. Уже недели две. Вам нужно получить новый.

Я была готова расплакаться. Почему ее слова резали так больно? В висках стучала кровь, в животе заурчало от стресса. Казалось, реальность вокруг перекосилась. Все стало чужим и непонятным в один миг. Паника медленно накатывала, в горле встал ком.

Может показаться, что я преувеличиваю.

Но нет.

Смерть мамы стала отправной точкой к моим нескончаемым стрессам и паническим атакам. Потом депрессия, от которой я смогла сбежать, но дальше все стало только хуже: пограничное расстройство и деструктивное поведение, благодаря которым я сейчас и находилась в этой самой аптеке.

— То есть вы не можете мне ничего продать?

— К сожалению, нет. Прошу прощения.

Девушка, худая как щепка, даже худее меня, сложила руки на столе и смотрела на меня с сожалением своими карими глазами.

— Даже одну упаковку? — взмолилась я. В горле першило от сдерживаемых слез. Так хотелось разреветься! Выпустить все наружу прямо здесь, среди этих лекарств.

Девушка печально покачала головой:

— Могу только предложить вам успокоительный чай с травами и валериановую настойку, — она указала на какую-то дешевую коробку с ромашкой.

Такое мне было ни к чему! Это для стариков со скверным характером, которые после целого дня ворчания на молодежь приходят домой, заваривают его и расслабляются перед сном, чтобы завтра снова кому-нибудь нагрубить. Вот для кого этот чай!

Но я все же купила его. Просто от отчаяния. И покинула аптеку, оттолкнув дверь, как ненавистного врага. Полупустынная улица снова встретила меня знойным воздухом. Подул ветер, и потная майка противно прилипла к спине. Я вся покрылась мурашками от контраста.

Я возвращалась одна, не дождавшись Честера. Мне не хотелось разговоров.

Ветер свистел в ушах и трепал волосы. Я стянула их в тугой пучок на макушке, чтобы не лезли в глаза. И тут же, остро и ясно, мелькнула мысль, которую я, конечно, ни за что не привела бы в жизнь: отрезать все к чертям. И плевать, что растила годами.

Дорога сужалась с каждым шагом. Воздух пах пылью и пылью, а по обочинам, будто случайные блики света, бе-

лели ромашки. Я вдруг свернула к ним, присела на корточки и стала срывать, словно принимая от каждой маленькую жертву. «Спасибо. Благодаря тебе у меня станет легче на душе», — подумала я, испытывая к ним необъяснимую жалость. Нормально ли это? Мне казалось — да.

Я побрела дальше. В руке мялся букет ромашек, а в пакете шуршала коробка с ромашковым чаем. Прямо ромашковая королева, с иронией подумала я.

За моей спиной что-то протяжно скрипнуло, а потом заревел мотор, набирая силу. Звук был угрожающим, очень агрессивным.

Я отошла к краю, но рычание нарастало. Когда шины зашуршали по щебню совсем рядом со мной, я замерла.

Машина в тот же миг дернулась и остановилась. Я обернулась и увидела, как оранжевое крыло блеснуло на солнце. А за стеклом — мужчина в кепке.

Честер.

Фух, всего лишь он, подумала я. И снова смогла дышать полной грудью.

— Эй, почему вы ушли? Я чем-то вас обидел? — Честер, обещавший меня подвезти, пригнулся к пассажирскому окну, чтобы лучше меня видеть.

— Нет. Просто хотела пройтись сама, — сказала я, желая, чтобы он уехал.

— Но на машине быстрее, — не оставлял попыток он, на что я закатила глаза.

На самом деле, мне совсем не хотелось топтать пешком до дома Дина. До него отсюда километров восемь. Даже до фермы, куда идти было ближе — километра два с половиной, не меньше. Что случится за эти пятнадцать минут езды? Если он окажется маньяком, я выпрыгну из машины на ходу, пообещала я себе. Я на это способна. Лучше ссадины и травмы, нежели стать очередной жертвой, о которой снимут репортаж на одном из новостных каналов.

Я сдалась и села. Кулон качнулся как маятник, когда я устроилась поудобнее, поправив под собой вязанную подушку.

— У вас есть парень или... муж? — спросил Честер, когда мы неслись по проселочной дороге, поднимая за собой облака пыли.

— Нет, — ответила я без энтузиазма, склонив голову к потоку ветра.

Волосы разлетались по всему салону, поэтому мне снова пришлось их завязать.

— Как вас зовут?

Странно, что он спросил это только сейчас.

Я подняла окно со своей стороны, когда стало достаточно прохладно. Честер сделал то же самое, покусывая уголок нижней губы и каждую минуту прочищая горло, словно наглотался мошек.

— Райли, — ответила я так же безразлично, и мы на скорости пронесли мимо фермы. Я думала, что он остановит-

ся здесь. — Не обязательно подвозить меня прямо к дому. Я могла бы пройтись сама. Я начала по-настоящему нервничать.

— Да ерунда, — он почесал затылок под кепкой, а потом и красный нос, громко шмыгнув.

Дом, который стал мне уже таким родным, замаячил на горизонте. Тридцать метров, и я на месте. Дин, вероятно, уже приехал. Ждал меня. Купил чего-нибудь вкусного, хотя я ничего не просила. Я была в этом уверена. В этом весь Дин.

Двадцать метров.

— Передай, пожалуйста, вон ту газету, — попросил мужчина, указывая на торчащий из-под бардачка сверток. Его широкий лоб блестел от пота, а по виску скользнула крупная капелька. Грудь вздымалась от тяжелого дыхания.

Я всем своим существом почувствовала неладное, и не стала делать то, что он сказал. Только всматривалась ему в глаза, надеясь увидеть в них хоть что-то, что успокоило бы меня. Но нет, он сильно нервничал: сжимал и разжимал челюсти; в янтарных глазах бушевали злость и неподдельная паника.

— Газета, — нервно, чуть хохотнув, повторил он, но его просьба снова осталась невыполненной.

Оставалось десять метров.

Пять.

Ноль.

Мы проехали мимо дома Дина.

В груди словно взорвался шар с расплавленной медью — от страха все внутри обожгло. Мир сжался до размеров салона оранжевого «Ниссана», сердце заколотилось, пытаюсь вырваться наружу.

Я схватилась за ручку двери. Как и обещала. Попыталась выпрыгнуть. Пусть умру. Но меня резко схватили за волосы, оттянув назад. За секунду до того, как в лицо ударил кулак, я успела почувствовать запах горелой резины, пота и костра. С каждым новым ударом вокруг становилось все меньше светлых тонов. Черных пятен — все больше, и после очередной удара меня поглотила беспросветная, густая темнота.

ГЛАВА 9

Первое, что я почувствовала, когда сознание ко мне вернулось — это жгучая боль в легких. Лицо казалось чужим. Стоило пошевелиться — и в голове что-то хрустнуло, будто череп был набит стеклом.

Я лежала на чем-то мягком. Воняло горячими тряпками. Правую ногу свело судорогой — я резко задергалась, и боль отступила. Дышать было больно. Каждый новый вдох резал легкие раскаленными иглами.

Зажмурившись, я приподнялась на локтях, но вдруг почувствовала — чьи-то липкие руки легли на мои щиколотки. Кто-то неразборчиво бурчал. Я прищурилась и склонила голову набок, пряча лицо от солнца. Голова сильно кружилась. Сквозь ослепительно-белое марево я смутно различила напротив своих ног мужчину.

Честер!

Он стоял на улице, разговаривая сам с собой. Явно нервничал. Сплюнул, поправил кепку и полез на заднее сиденье, ко мне, расталкивая мои поджатые в коленях ноги, словно пробирался через стебли кукурузы в знойную ночь.

— Отвали, отстань! — крикнула я, но на самом деле только прошептала.

Я попыталась перевернуться на живот и выползти с другой стороны салона. Не вышло — мерзавец сел мне на ноги и

рванул со всей силы за волосы, накручивая их на кулак. Из рта у меня вырвался сдавленный крик.

— Заткнись, просто заткнись! — прошипел он мне на ухо, пытаясь стянуть с меня джинсы, ширинка которых уже была расстегнута. — Перестань дергаться. Я же вижу, ты тоже этого хочешь. Разве нет? Хочешь, да.

Он сдавленно хохотнул, стаскивая мои джинсы до коленей. Его голос дрожал — то ли от напряжения, то ли от возбуждения. Каждое его слово обжигало меня, как если бы я стояла спиной к раскаленной печи.

— Не мучай себя, просто расслабься! Прошу тебя! Прошу! — последние слова он почти выкрикнул.

Ветер дул в промежность из открытой двери.

Когда мне удалось вздохнуть полной грудью, я попыталась закричать, но его грубая ладонь так плотно вжалась в мои губы, что крик мой был слышен только нам двоим. В ушах стоял невыносимый гул, когда я снова и снова вопила, мысленно умоляя небеса и господу спасти меня от этого психопата.

Я хотела к Дину. Вернуться в тот дом. Снова сидеть с ним на веранде, курить сигарету за сигаретой и обсуждать что-нибудь простое и незначительное.

Он грубо сдернул с меня и трусы, и я вздрогнула — ткань больно резануло по коже. Мои ляжки, казалось, горели огнем. Я обливалась потом: капельки срывались с подбородка и разбивались о кожаную черную обивку с противным сту-

ком.

— Вот это да! Такую красотку, как ты, нельзя было упустить! Ничуть не жалею, знаешь? Что пригласил тебя на это свидание! — задыхаясь проговорил, он, и его сухие пальцы оказались у меня между ног.

Меня начало трясти так сильно, словно меня бросили голую в сырую темницу.

Я потеряла последнюю крупицу надежды на спасение, как вдруг услышала где-то поблизости рев машины. Такой, словно водитель отчаянно что-то искал, разъезжая по местности, по ухабам. И если не найдет в скором времени — пиши пропало. Я надеялась, что это Дин, но понимала, что это невозможно.

Ублюдок на секунду отвлекся, нервно оглядываясь по сторонам. Его хватка на моих волосах ослабла, и я мгновенно воспользовалась этим моментом — выпрямила одну ногу, а другой со всей силы оттолкнулась от пола. Честер ударился головой о потолок — раздался глухой стук — и зарычал.

Я, воспользовавшись моментом, как бешеная, начала пытаться вылезти из машины. Я выползла и рухнула в грязь. Ладони шлепали по холодной жиже. Я кричала, судорожно выискивая опору ступнями. Вокруг были колючие кусты, мусор да высокий овес. Больше ничего. Высокая трава окружала нас повсюду.

— Помогите! На помощь! — закричала я и почувствовала резкую боль в ноге, утопая локтями в песке.

Нога заняла сильнее. Тогда я обернулась через плечо, давясь паникой и густой слюной — на моей икре зияла глубокая рана от ножа, из которой хлестала кровь. Ублюдок попытался снова воткнуть мне нож в икру, но я оттолкнулась от сиденья и вывалилась из машины раньше. Он кинулся следом и упал на меня сверху. Перехватил мои запястья. Воздух вырвался из моих легких — Честер был слишком тяжелым и сильным. Я не могла дышать.

Он перевернул меня на спину и начал душить. Его пальцы впивались мне в кожу. Из глаз брызнули слезы. А может, и кровь.

Я увидела за его спиной кого-то — синие джинсы, высокий рост. Человек бездействовал, просто стоял там и выжидал. Не спасал меня. В глазах мутнело. Казалось, вот-вот выскочат из орбит. Я не могла четко рассмотреть лицо человека. А может, это были галлюцинации, и там никого не было?

Пока я раздумывала над всем этим, ублюдок одним резким движением полоснул меня ножом по лицу. Я начала мотать головой из стороны в сторону. Хотела схватиться за лицо, но не могла — мои руки не принадлежали мне.

Честер занес руку для следующего удара, как вдруг кто-то ударил его ногой по лицу. Он слетел с меня, словно тряпичная кукла.

В глазах двоилось, все белело. Хотелось спать. Тело изнутри ломило, как при высокой температуре. Я начала уходить в небытие, но успела увидеть Дина. Он бил ублюдка кулаком

по лицу снова и снова, осыпая его ругательствами и трясая, как игрушку. Затем снова раздались звуки ударов. Только звуки. Зрение мое пропало.

«Дин такой сильный», — подумала я, и зелень вокруг начала вращаться, превращаясь в одно цельное полотно.

В панике я глубоко вздохнула, и мне в ноздри ударил резкий запах спирта и лекарств. Голова раскалывалась, болело все тело. Тошнило так, что приходилось постоянно глотать кислую слюну. Я подняла руки и сильно потерла глаза. Они были такие сухие, словно я целый час держала их под струей горячего воздуха из фена.

Я привстала на локтях, и белая дверь справа от меня распахнулась. Я не знала, где нахожусь, а подумать об этом мешало головокружение. Дин широкой походкой подошел ко мне в сопровождении темнокожей женщины в медицинском халате. На груди у нее был бейджик, согласно которому ее звали Зои.

Я была в больнице.

Все вокруг было стерильным и бесцветным. Но я находилась не в палате. В небольшом кабинете. Слева было окно с видом на улицу — на проезжую часть. Внизу сновали автомобили и раскачивались на ветру провода.

— Как ты, Райли? — спросил Дин, садясь рядом. Взял меня за руку. Его ладонь была потной и горячей. — Выпей таблетки. — Он сгреб две желтые пилюли с тумбочки себе в ладонь и протянул мне вместе со стаканом воды.

Я сделала, как он сказал.

Женщина что-то быстро написала в большой папке, подошла и спросила меня, помню ли я что-то. Я ответила, что да, но внутренне сомневалась, не сон ли это: картинок было так много, что грех было не подумать о дурном сневидении. Но перевязанная нога и не дающий покоя страх за свою жизнь — опровергали это.

Я коснулась пластыря на лице — и боль пронзила всю скулу. Но прежде чем я успела понять, что это, в игру снова вступил Дин и спросил:

— Зачем ты вышла из дома? Куда ты шла? — его голос был обвиняющим и полным переживания. Брови сильно сошлись на переносице, что еще чуточку — и соединились бы. — Кто был тот...

Честер. Мужчина с фермы. Он хотел меня изнасиловать, а потом убить. Я хорошо помнила, как он свирепо полоснул меня ножом по лицу. Больно тогда не было — шок отнял у меня возможность чувствовать хоть что-то, кроме дикого страха.

Я снова провела пальцем по пластырю на щеке.

— Не трогайте, у вас там... швы. Рана свежая, — тихо предостерегла женщина.

— Швы? — Я растерянно посмотрела на Дина. Он отвел глаза и шумно выдохнул.

Через несколько минут меня пришли навестить полицейские. Начали расспрашивать о том, что я помнила. Я расска-

зала то же самое, что уже рассказала врачу, только более подробно. Они записали показания и ушли. Сказали, что Честер — это, скорее всего, тот самый маньяк, о котором трубят в новостях. Когда дверь закрылась, я наконец смогла выдохнуть.

Медсестра также добавила, что следов изнасилования не было, внутри не было разрывов и кровотечений. «Вам повезло», — заключила она, и в этом не было сомнений. Полицейские поблагодарили меня и пожелали скорейшего выздоровления. Женщина-офицер сказала: «Как морального, так и физического, милая». Они собрали свои вещи, крепко пожали Дину руку за содействие и помощь в задержании убийцы и удалились.

— Точно не хотите остаться здесь на день? Вдруг что.

Медсестра проводила нас вплоть до регистрационной, шаркая громоздкими тапочками по кафелю.

Я ответила темнокожей девушке с блестящими и синими, словно авантюрин, тенями на веках, что справлюсь, и дома мне будет куда лучше.

Жарко уже не было. Температура на улице опустилась на несколько градусов за то время, что я пролежала в больнице без сознания.

День клонился к закату. И через пару минут, когда мы с Дином уже сидели в его голубом пикапе и ехали домой, — не так уж близко находился его дом к больнице, — я увидела за холмами багровый закат — темный и густой, как запекшаяся

кровь.

— Райли, — сдержанно, но недовольно произнес Дин. Я прикрыла глаза от блаженства, ведь опять слышала его голос. — Какого черта ты вышла из дома? Ты ведь знала, что неподалеку погибают молодые девушки! Здесь опасно. Так скажи мне тогда, ради всего святого, — зачем?!

— Я уже сказала.

Он бросил на меня гневный взгляд, не забывая следить за дорогой. Прилагал все усилия, чтобы не кричать и разговаривать со мной нормально. Не хотел усугублять мое и так ужасное состояние. Нога болела при каждом движении. Разномастные царапины на руках должны были быстро зажить, одежду я собиралась застирать, тело — можно вымыть. А вот...

Я снова поднесла пальцы к щеке, вспомнив о швах:

— Моя щека. Там что-то серьезное?

Дин на минуту отложил свой допрос, стал более терпеливым и сказал мне уже менее взвинченным тоном, что нет, ничего страшного. Но шрам, скорее всего, все же останется — порез был слишком широким и глубоким. Ублюдок вложил в этот удар всю ненависть. Он хорошо постарался, ничего не скажешь.

— Черт. — Мне хотелось плакать, но я так устала и хотела спать, что на это не оставалось сил. И я просто болезненно улыбнулась. — Я теперь буду уродкой. Как же прекрасно! Словно жертва сутенера, которая отказалась выпла-

чивать процент со своей работы. — Плотно прижала ладонь ко лбу и зажмурилась, чтобы при тряске мозги не вытекли. — Где-нибудь в Венесуэле, — едко добавила я.

Я точно знала, что завтра буду весь день рыдать, что мой внешний вид, который я и так не любила, теперь стал еще уродливее. Но мой мозг пока отдыхал. Реальность затаилась, чтобы нанести удар в самый неподходящий момент.

— Не болтай глупостей! — рявкнул Дин, заворачивая за угол и чуть не сбивая старого пса, переходившего дорогу. Тот залаял и побежал за нами, но быстро отстал.

— Прости, я не имела в виду тебя, — я ощутила укол вины и стыда. — Не подумай, что я назвала тебя уродом из-за твоего шрама. Это не так.

Солнце окончательно село, все вокруг стало серым, как сигаретный пепел. Температура стала идеальной для того, чтобы провести время с Дином во дворике, но сегодня нам будет точно не до этого. Ни ему, ни мне.

— Да не об этом речь! Плевать на мой шрам! — вспыхнул он, нервно поправляя шляпу на голове и снова кладя ладони на кожаный руль. Когда он щурился, его глаза становились похожи на глаза ящерицы. — Ты подвергла себя опасности. Ты безрассудная, глупая девчонка. Ты могла умереть! Тебя могли изнасиловать, черт!

Он хлопнул ладонью по рулю. Дин начал выходить из себя, метать молнии взглядом по лобовому стеклу. И так сильно стискивал руль, что ногти побелели.

— И все это по твоей вине! Ты же знаешь, тебе стоило оставаться дома! Почему ты вышла? Почему не поступила разумно?

Дин, казалось, даже не видел ничего вокруг себя, пока кричал на меня. Это настораживало, но я могла понять его. Нет, ни разу в мой разум не прокралась мысль, что Дин может ударить меня. Но его поведение действительно пугало.

— Послушай, — начала я, но не договорила.

Дин остановил машину. Резко дернул за ручник.

Его пальцы с липким чавканьем сжались на руле, и он резко потянулся ко мне. Сердце замерло.

Но как только он коснулся моей кожи, он стал таким нежным, что в голове всплыл образ коржа, который смазывали сладким кремом. Вот и его поглаживания были подобны этому.

Дин приподнял мою голову за подбородок для лучшего вида. Очертил большим пальцем линию скулы, прямо над свежим шрамом.

— Куда ты хотела пойти? Почему ты оказалась в машине у черт знает кого? — требовал стальным тоном он.

— Мне нужно было купить лекарства.

— Я же спрашивал тебя, нужно ли тебе что-то. Ты сказала нет.

— Я вспомнила уже потом.

Глаза Дина налились густой зеленью. Лицо напряглось, став похожим на морду льва, почуявшего запах раненой до-

бычи.

— Просто пойми, — он выдохнул, отвел взгляд, и его рука упала между наших бедер. — Я беспокоюсь о тебе. Очень беспокоюсь. И, как видишь, — он скрипнул зубами, — не просто так! Тебя же могли... Дин не закончил. Покачал головой.

— Да, я поняла. Убить. Ты уже говорил.

Он вздохнул и надавил на педаль сцепления, а затем газа. И больше не заговорил со мной до самого приезда. Складка между его бровей не разгладилась даже тогда, когда мы остановились у дома. И тогда, когда он поднял меня на руки и занес внутрь.

Когда я оказалась под крышей — в доме, где мне спокойно и безопасно, — мое самочувствие улучшилось само собой. Дышать стало легче; запах этого места и моего спасителя были для меня кислородной маской, так необходимой мне в тот момент.

Дин открыл дверь в комнату ногой.

— Я справлюсь сама, — пробормотала я, держась за плечо Дина, когда он опустил меня на пол. На правую ногу было больно переносить вес, и я, наверное, походила на подстреленного в ногу медведя.

— Ага, как справилась утром, — Дин саркастически фыркнул в полутьме и уложил меня на кровать.

Свет он не включил.

Я хотела поднять ноги на кровать, но Дин сделал это рань-

ше. И накрыл меня пледом, который раздобыл где-то в нижнем ящике старого трельяжа. Отказывался слышать меня, когда я сказала, что мне будет жарко. Теперь он воспринимал мои слова как пустой лепет. И в этом была виновата я. Нужно было быть разумнее. Иногда я могла увидеть даже в больном старичке, ждущем очереди на кассе, смертельную опасность, а тут села в машину к незнакомцу. Идиотка. Я не пыталась оправдать свой глупый поступок, но мои расстройства так обострились, что в тот момент меня устроил бы любой вариант, только чтобы получить помощь.

— Спи, — сказал Дин, стоя надо мной. — Поговорим, когда проснешься. Наберись сил. — И ушел, тихо закрыв за собой дверь. Половицы в коридоре заскрипели под его весом.

Я слышала, как он прочистил горло и что-то неразборчиво бормотал. Тяжелый стук его каблуков, когда он спускался по лестнице, действовал на меня как тиканье метронома, вводящего в транс.

Тук. Тук. Тук.

Тело расслабилось, словно до этого я была туго связана подарочной лентой, и кто-то неожиданно потянул за нее. Мысли исчезли из головы, веки сомкнулись, боль в ноге отступила.

ГЛАВА 10

Весь вчерашний день, а точнее его остаток, когда Дин спас меня от маньяка и привез домой, я проспала. Сил не было даже встать и поужинать. Дин мне в этом помог: принес утром большой йогурт, шоколадные вафли и стакан молока. На обед — сэндвич с куриным мясом. Сказал, что мне нужно обязательно это съесть, ведь я потеряла много крови.

Как обычно, я ему доверилась и делала, как он просил. От этого я действительно начала чувствовать себя гораздо лучше.

С чувством благодарности к нему, я перевернулась на бок и снова поддалась сну, оказавшись в блаженном небытии.

Я резко распахнула глаза. Моргать было больно. Я лежала на кровати. От меня ужасно воняло. За окном темнело, но было еще довольно светло. Цвет неба отлично сочетался с моим прикидом: такое же грязно-голубое, как и мои джинсы, испачканные грязью после яростной схватки за жизнь.

Я села на кровати и приложила ладонь к лицу. В мозг врезались события вчерашнего дня, заставляя зажмуриться. Меня начало тошнить от голода и злоупотребления сном. Я так много спала, что рот стал ватным, а голова стала очень тяжелой и постоянно болела.

«С высокой вероятностью у тебя останется шрам» — вспомнила я, стоя под ярким свечением люстры.

Я осторожно отклеила пластырь, оголяя шов на щеке. Это было неприятно, но не сказать, что больно. Когда я увидела уродливый порез, зашитый нитью, в животе разросся страх, становясь все больше, пока не заставил меня приклеить пластырь обратно. Я была похожа на монстра Франкенштейна. И ведь даже не удосужились зашить кожу белой или бежевой ниткой, чтобы не было видно. Зашили какой-то темной. Хотя, может, так надо.

Присутствия Дина в доме я не заметила, поэтому сразу поплелась на улицу. Внутри чувствовала сжимающий живот комок волнения, боясь, что когда найду его, Дин снова наорет на меня и начнет обзывать.

Нашла его во двор. Он чинил машину. Позади него, в самодельном кострище из блоков и кирпичей и разномастных камней, разгоралось пламя.

Он работал без верхней одежды, в сине-зеленых садовых перчатках. Исполосованная шрамами спина поблескивала от пота, когда костер начинал дико приплясывать на ветру. Вся представшая предо мной картина напоминала индейский вечер, по завершении которого каждый расходился по своим вигвамам, чтобы обсудить насущный день.

Интересно, бывал ли Дин когда-нибудь на праздниках своего народа?

На днях я спросила, кровь какого гордого племени течет в его жилах. «Из северных шайеннов», — ответил он.

С первого взгляда Дин Хардинг казался обычным парнем

из глубинки, пока взгляд не цеплялся за резкие скулы — точные, как линии каньонов на карте Вайоминга. Даже его молчание было каким-то плотным, наполненным, а движения — неторопливыми и значительными, будто каждое из них уже было обдуманно заранее. А когда он шагал, казалось, он не просто шагал — он нес с собой часть тишины прерий, той самой, что витает между ударами барабана и пронзительным криком ястреба.

«Tsitsistas» — «наш народ», — как-то сказал он, когда разговор зашел о корнях. И ведь правда — с первого взгляда так и не скажешь, что Дин — индеец. Русые волосы, темно-зеленые глаза — больше похоже на выходца из Шотландии, чем на сына коренных американцев. Отец его, чистокровный шайенн, объяснял это чужой кровью, затесавшейся в их род где-то на изломе 19 века. Но стоило внимательно присмотреться к его лицу — и сомнения исчезали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.